

Шмелев
Владимир

РОЖДЕСТВО

В МОСКВЕ

Фантастический
детектив реальности

Союз независимых
писателей самиздата

Владимир Шмелев

**Рождество в Москве.
Московский роман**

«Издательство «Перо»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шмелев В. С.

Рождество в Москве. Московский роман / В. С. Шмелев —
«Издательство «Перо», 2018

ISBN 978-5-00122-609-3

Питаю надежду, что роман «Рождество в Москве» будет способствовать пониманию открытости и доверию между народами России и Германии. Автор

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00122-609-3

© Шмелев В. С., 2018
© «Издательство «Перо», 2018

Содержание

Манифест Альберта	6
Третья мировая	7
Одержимость Альберта	14
Затмение рассудка	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владимир Шмелев

Рождество в Москве

© Шмелев В.С., 2018

* * *

Манифест Альберта Небесный свод

Мы любуемся небом, не можем наглядеться, притягивает неповторимым, постоянно меняющимся кружевом облаков, перистые, прозрачные, слегка прикрывающие синеву, словно белая дымка, наброшенная на небосвод, как невеста с невесомой накидкой непорочности. Вот бесконечные барашки, похожие на прибой пронзительной голубизны огромного океана над головой, плывут, плывут, и нет им числа. Бесконечная смена погоды, где небесная твердь, напоенная влагой, земли, реками и морями, опять возвращает святую воду планете. Земля как мать, породившая всё, знает своего отца – создателя Вселенной, но не раскрывает тайны. Совершенная природа, продукт эволюции или творение Абсолюта. Человечество на заре своего осознания назвало это чудо Богом, что непостижим, как бы мы ни усердствовали. Мы терзаем свой ум, изоощряемся в красноречии, умствуем или безумствуем? Это как посмотреть и какие при этом поставить цели. Цельность мира нарушает бесцельный человек или гений злобы и коварства. Наука раздвигает горизонты фантастического будущего без бряцания оружия. Верю в триумф Бога разума. Непостижимая божественная Земля станет обителью мира и любви.

Третья мировая

Габриэль

Габриэль посетовала, что опять не получится побывать в родительском доме. Из Рима до Берлина летела бизнес-классом в полупустом салоне. Сидение рядом было свободно, что обрадовало. На Александр-плац в кафе должна была встретиться с другом. Он где-то занимал какой-то пост, что, собственно, было не столь важно. Года три назад в римском офисе журнала Габриэль «Новости науки» появился джентльмен, что выразил заинтересованность публикациями издания на немецком языке в Берлине. Разговорились, и выяснилось, что он тоже изпод Кёльна; местечко, где он родился, было совсем рядом с тем, где жила Габриэль в детстве. Неожиданно он рассказал об отце, что был в плену у русских и строил в Москве дом на улице Первомайской:

«Лет двадцать назад, когда отцу было уже восемьдесят семь лет, мы поехали посмотреть на тот дом. Удивительно, он стоял на месте, в нём до сих пор жили люди. Я был ещё студентом и многое не понимал, но русские показались мне такими наивными, их простота тронула меня. Старуха, что сидела у подъезда, оказывается, помнила, как строили этот дом, как подростком носила хлеб и что-то ещё менять у немцев на разные разности из бумаги, картона, забавные фигурки животных, раскрашенные смешно, по-детски.

Она пригласила к себе. То, что увидели, повергло в шок. Высокие потолки с лепниной, большая комната впечатляющих размеров, окна с жалким подобием занавесок, и кругом нищета. Такой бедности в Германии не видел. Какой контраст внешнего вида дома в стиле барокко с вензелями по центру фасада. Наверху красовалась так называемая сфера в арке из закруглённой линии, что делала подъём и спуск посередине, образуя округлость. В неё была вписана странная латинская буква...» Она неожиданно для нас, как реликвию, извлекла из металлической коробки губную гармошку, подаренную ей, и открытку, где по-немецки было написано «Маленькой фрейлейн Кате от Ганца в счастливый день отбытия в родную Германию с самыми наилучшими пожеланиями». Отец был поражён и не смог сдержать слёз.

Он также воспроизвёл рассказ своего отца о случае при строительстве этого дома в Москве, что запал в память Габриэль, подробно, ярко своей искренностью.

История отца друга Габриэль из Берлина, участника второй мировой войны

До войны мы со своей Энгелой любили ходить в синема, в самом центре Берлина возле Бранденбургских ворот. На фронте всё запечатлелось не чёрно-белым фильмом, а чёрно-серым. После капитуляции мы строили дома в Москве. Всё слилось в один серый кадр: шинели, шапки-ушанки, подаренные русскими. Небо без солнца, даже если оно слепило глаза, что могло радовать? Однажды в перерыве на втором этаже строения присели отобедать. Привезли какую-то баланду, какой-то хлеб, и что-то выменяли в ближайших домах у русских за поделки. Капитан Шульц, как всегда, присаживался отдельно, он вообще держался особняком и почти не разговаривал. Он был старше нас не только по званию, но и по возрасту.

Ганс, что штукатурил стены, на него косился. Шульц требовал, чтоб следили за своим внешним видом и не забывали, что у немцев порядок в крови. Он терпеть не мог болтающихся пуговиц, невытой обуви после работы и незастиранной одежды.

Ганс был задумчив и не отводил взгляда от проёма в окне, там слышались детские голоса. Непривычная речь по-прежнему раздражала его. Русский казался для него тарабарским языком, чужим, и к тому же на нём говорили победители, чему он не мог поверить. Как это могло произойти, что варвары одолели армаду мощнейшей армии всей Европы?

Среди строительного инвентаря и кое-какого мусора, что не успели убрать на импровизированной скамье, на мгновение мы почувствовали себя подсудимыми. Шульц боковым зрением следил за нами и про каждого знал, и даже чувствовал, что можно ожидать. Где-то там за стенами ещё не достроенного дома был другой мир, непонятный и даже загадочный, о котором они не подозревали. Русские были сдержанны и добры. Положение пленных не подразумевало какое-то общение, тем не менее, помимо негатива, чаще проявлялось дружелюбие. Даже давали что-то съестное и одежду. Гансу достались тёплые носки. Женщина, что принесла их, пояснила: «Вязала сыну, что погиб под Сталинградом». Ганс не понял, тут же надел и смутился после перевода её рассказа.

Вдруг все услышали слегка уловимый вздох Шульца, на миг показалось, что он беззвучно плачет. И в эту секунду вскочил Ганс со словами: «Вот чем закончилась тысячелетняя история третьего Рейха, этой тарелкой супа. Капитан, вы, ослеплённые, завели нас в яму».

Все встали, движением предупреждая Ганса, что он слишком далеко зашёл. В их глазах была растерянность, они смотрели на Шульца.

– Всем сесть на места, – тихо приказал, продолжая доедать. Когда тарелка была пуста, встал и подошёл к Гансу.

– А ты смелый, Ганс, – сказал он строго.

Но слегка уловимая ирония была услышана и понята остальными, на что послышался смех. Ганс, задохнувшись от переполнявшего возмущения, судорожно достал фото, на котором был изображён ребёнок.

– А на это что скажешь?

– У нас у каждого в кармане что-то вроде этого: портрет любимой, родители, дети. Тебе это известно? Мы живы, ты не понимаешь, что это. Мы вернёмся в родную Германию, и она вновь расцветёт, мы найдём в себе силы вернуть ей славу.

– Вот сейчас должен зазвучать браваурный марш, коими мы были напичканы, маршируя с факелами под крики и истерические припадки вождей. Что ты имеешь в виду, опять тысячелетний Рейх, очередное безумие?

– Теперь у нас друзья за океаном.

Шульц хотел что-то добавить ещё, но, словно что-то вспомнив, осёкся и заключил одной фразой:

– В нашем положении мы непростительно много себе позволили в разговоре. Ганс, вспомни, где находишься, и то, что нас спросят, как мы вели себя, по возвращению в родные земли.

Неожиданно послышался шум возле стройки, и уже через мгновение по лестничному пролёту вбежала маленькая девочка. Она в момент глазами отыскала тачанку, сбитую из досок на одном колесе с отполированными ручками до блеска от постоянного использования. Мы знали, что дети играли ими, возили в них друг друга. Пацанка была шустра, глаза горели от намечающегося веселья. Она с улыбкой взглянула на нас и не придавала значения нашим грустным лицам, воспринимая всё по-детски празднично, бросилась к окну и закричала:

– Ребята, драндулет здесь, айда сюда!

Катание на тачках – одно из немногих развлечений детей после войны.

В мгновение, в пылу и разгорячённая, она слишком вылезла из окна, тело не справилось с балансировкой, и верхняя часть туловища перевесила, ещё миг – и девчонка лежала бы внизу на строительном хламе. Ганс, стоящий ближе всех, бросился к ней со словами:

– Эрика, Эрика, ты упадёшь, – схватил за подол платяца. – Девочка моя, – засмеялся он, заплакав, – надо быть осторожнее.

Лицо Ганса вдруг озарилось небесным светом, и все вздрогнули, увидев это. Со двора послышались голоса взрослых, по лестнице громко бежали. Внизу под окном женщина с сумками и бидоном, оставив всё на земле, кричала:

– Маруся, что ты там делаешь, опять шалишь, безобразница. Сейчас я поднимусь и напад-дам тебе.

Когда испуганная Маруся поняла, чем всё могло закончиться, встав на ноги, робко ска-зала:

– Простите, дяденька, я больше не буду.

И побежала навстречу ребятам и женщине, что решила отвести её домой.

Ганс был в слезах, нам было грустно, лишь Шульц напрягся, на лице обозначились жел-ваки. Но этот свет, сияние, что появилось как что-то фантастическое, когда Ганс спас девочку, никто забыть не мог. Кто-то объяснил это эмоциональным эффектом, что Ганс в этот момент, благодаря внутренней энергии испуга, засветился неожиданным явлением, ещё не объясни-мым.

Ганс вспомнил, что давно хотел съязвить Шульцу по поводу того, что он спит под двумя одеялами (в отличие от других ему достались две вязанки), «поддевает на мочеполовую систему», как выражался Шульц, и на плечи, что ноют каждую ночь. Как бы там ни было, все считались с его возрастом, да и звание не забывали. Ганс был признателен Шульцу, что каждый раз подчёркивал, как он отлично обил пол железом вокруг буржуйки и что труба, выведенная на улицу, нисколько не дымила.

– Ты молодец, Ганс, видно, хорошо учился на кровельщика, и штукатурить у тебя полу-чается.

Как-то все, затаившись, наблюдали за Шульцем: в бараке, где не разрешалось курить, он достал пачку Мальборо и, глядя на замороженных ребят, с улыбкой спросил, явно с издёвкой:

– Вы не против, если выкурю одну сигаретку?

Все промолчали и стали с замиранием втягивать сладостный дымок, что струйкой выпус-кал Шульц. Никому он не предложил, и никто не осмелился попросить. Американской тушён-кой делился, откуда доставал, знал только он. Даже кофе и шоколад на Рождество раздал каж-дому. В сорок седьмом уже приходили весточки из Германии, слёзы душили солдат, когда они читали письма родных.

Нелепица на голове вроде каких-то шапочек, унижительная роба – всё вводило в тоску. Каждый ждал одного – возвращения в Земли. Слухи о том, что идут переговоры о пленных среди глав победителей, иногда просачивались. По русскому радио, что с трудом понимали всего лишь двое, извлекали крупички из официоза о Нюрнбергском процессе и создании нового немецкого государства – ГДР. И только во снах пленные были свободны. Любимые, родные, дом, работа. Ганс представлял, как его встретят жена и дочь, что уже не такая маленькая. Он не мог представить, какая может быть... «Такая же, похожая на русскую девочку из соседнего двора, – подумал он, – что нечаянно могла выпасть из окна». Он спас её, озорную, суетливую. Игры, смех, плач у всех детей. «Моя Эрика помогает маме по хозяйству, поливает в огороде из маленькой леечки, не дрыгает ногами за столом, моет руки и спрашивает разрешения погулять в садике возле дома. А, впрочем, какая разница, только бы увидеть её».

Габриэль

После встречи с другом из Берлина вновь в аэропорту, скоро будет в России. Уже в само-лёте Габриэль предалась мыслям о Москве, городе, который стал близок и дорог, где провела большую часть своей жизни.

В Москве несколько раз удавалось побывать на воскресной мессе в евангелистском лютеранском соборе Петра и Павла. В тихом местечке в самом центре приютился величественный собор, зажатый со всех сторон зданиями, с маленьким цветником у входа, что заключался в заметной клумбе и крохотных островках зелени поодаль. Дворик был явно мал, он никак не соответствовал собору. Габриэль здесь всё было мило, и, входя, она с трепетом вспоминала Германию. Пение, музыка, колонны, скамейки и люди были до боли знакомы, хотя ни с кем из них она не общалась. Там, сторонясь, в полном одиночестве, на задней пустой скамье она тихо подпевала молитвы на немецком, на мгновения представляя свою маленькую кирху под Кёльном. Кто-то обратился к ней на родном языке, она не сдержала улыбки, ей даже показалось, что этого седовласого статного мужчину с бархатным голосом она где-то встречала, но во избежание расспросов ответила, что не понимает, о чём её спросили, говорит только по-русски, при этом дала понять, что спешит; взяв сумочку, направилась к выходу, унося с собой какое-то необычное приятное состояние души.

«Дом души», – подумала Габриэль, здесь она родная, ближе к Создателю. На время отступали тревоги и затухали обиды. «Мой муж богат, академик Оргиев, руководит институтом генетики, я состоятельная женщина, а внутри беспокойство. Ребёнок – уже взрослый человек, успешный студент, не сегодня-завтра учёный, а всё кажется, что обделила его вниманием и что он не помнит материнского тепла». И как любил целовать её и сидеть на коленках у отца. Время – самое безжалостное, сжимается как «шагреновая кожа», его всё меньше, оно тает. Боже, как быстро пролетела жизнь, один миг.

Габи вспомнила свое детство

«Только в воскресенье после службы и праздничные дни разрешалось детям сесть за один стол. Мама готовила вкуснейший яблочный пудинг и вишнёвый пирог. Ни в коем случае нельзя было облизывать пальцы, как и столовые приборы: ложки, вилки и собирать крошки. За это наказывали. Строго следили за тем, чтобы мы пользовались салфетками, никаких слюнявчиков нам не надевали. Попадало, когда из-за стола выходили замаранными, забыв прочитать благодарственную молитву и не получив благословение отца и поцелуя мамочки. Грозил тем, что в следующий раз не позволят общую трапезу со всей семьёй. На живописной скатерти красовался саксонский сервиз, что поражал неповторимым цветочным рисунком. Случалось это только в торжественные и памятные даты. Больше всего я любила своих кукол и наш крохотный садик с маленьким, простеньким фонтанчиком. По правде сказать, таковым его можно было назвать условно. Будучи ребёнком, я получала радость просто оттого, что вода лилась из медной трубочки, которую смастерил отец, что торчала из крохотной клумбы, засаженной анютиными глазками по кругу. Незатейливое устройство, подключенное к водопроводу, разбрызгивало воду на крохотное расстояние, практически не поднимаясь вверх. Непозволительно было играть с водой, баловство это пресекалось.

Марта, старшая сестра, внимательно следила за моей обувью, как бы я её не испортила, не намочила, не извозила в земле. Папа купил мне летние туфельки на ярмарке в Кёльне по случаю, как рассказывала мама, премии за восстановление железной дороги, где работал инженером. Туфельки были из кожи, необыкновенные, похожие на те, что были у любимой куклы Роми, украшенные бантиками и стразами. Марта, завидуя, выговаривала: «Всё тебе, любимая, а мне остаётся за тобой горшок выносить».

Мама, не уставая, холила садик. Для неё это бремя было самым лёгким. Сидя на скамейке, прижав к себе куклу, наблюдала, как Марта, что была строже, чем мама, помогала ей подвязывать на тонкие прутья с бечёвками, что тянулись вокруг беседки, дикий виноград. На зиму его стелили под валежник и тряпки по земле, также укрывали кусты роз от холода, а по весне всё распрямлялось и направлялось по периметру дома. Ещё мне нравился дикий горошек

за свой необыкновенный запах и нежный цветочек. Марта ругалась, когда я руками трогала лепестки. Однажды она даже меня ударила. Я не заплакала и не обиделась, потому что мама требовала слушаться старшую сестру. Мама обожала мелкие цветочки: у нас росли подснежники, что появлялись, как и первоцвет, сразу же, как сходил снег. Были ландыши, незабудки, анютины глазки, ноготки. Цветы были маминой слабостью. Она стремилась к тому, чтобы они были везде: на тканях, тарелках, фартуках, скатертях, занавесках, платочках и платьях».

Маленький розарий крохотного палисадника. Розы белые, красные, розовые, мелкие, крупнее, махровые. Нежные, что вовсе без колючек, роза-ругоза вроде садового шиповника, пахучая, из её лепестков хорошо заваривать чай. Перед тем как осыпаться розам, мама предусмотрительно собирала поникшие головки, сушила лепестки, какие для заварки, другие для добавления в ванну. Я любила купаться в воде с ароматом роз. Марта, как всегда, язвила: «Любимой дочурке всё», – хотя и ей разрешали насладиться этой роскошью после меня.

* * *

До стоянки, где Габи оставила машину, после мессы нужно было пройти через сквер Китай-города. Звучала какая-то музыка, молодёжь в предвкушении Рождества уже была в плену праздника. На лицах сияли улыбки, пары в обнимку казались счастливыми. Радость виделась кругом в наряде города, что блестел и переливался как одна сплошная новогодняя ёлка, украшенная немислимым количеством огней.

Москва заметно похорошела перед чемпионатом мира по футболу. В России в 2018 году – прошли выборы президента.

Как и ожидалось, им стал Путин. Он многое смог, но предстоит ещё больше. Россия – удивительная страна, несмотря ни на что, её уважают в мире. Жаль и обидно, что Германия, увлекаемая политическими авантюристами, не один раз несла потери, непоправимые, благодаря их безумному желанию захватить Россию. Разве смыть кровь невинных с прекрасного лица Германии, что исказилось до отвращения, превратив его во всё поглощающую гидру? Возможно ли преобразование в образ добра и света, чистоты и справедливости? «Верю в Германию, у неё славное будущее.

Кто-то вновь твердит известное выражение *Drang nach Osten*. Кто внушил немцу это, почему он вновь должен погибнуть (и, возможно, со всем миром) за чьи-то интересы?! Чем можно оправдать бесславные кровавые походы на восток, когда сама Германия, кроме позора и невосполнимых потерь, ничего не получила? Теперь пытаются залатать дыру нехватки рабочих рук эмигрантами. Кто сделал Германию мишенью, разместив на её территории атомное оружие, не подконтрольное ей самой, внушив о североатлантическом братстве и что это в её интересах? Кто подзуживает и стравливает Европу с главным соседом – Россией? Глупо и недальновидно в мире, где конкуренция не подразумевает дружбы и даже партнёрства, изменять прагматизму и здравому смыслу. Холодная фаза Третьей мировой, включающая в себя санкции, дезинформацию и желание взять на испуг, обложив Россию по всему периметру границы всем, чем можно: от бактериологического и атомного оружия до самого современного глобального суицидального хаоса по интернету, выведения из строя экстренной защиты, путём хакерского взлома, подавив сигналы оповещения о распространении губительного импульса из космической волновой установки над территорией России, вот-вот перейдёт в горячую. Путин нашёл достойный ответ: «Посейдон», «Буревестник», «Пересвет» – оружие, способное защитить Россию.

Утомлённая Габриэль не заметила, как потеряла нить размышлений, заснула и была напугана, когда стюард на немецком (летела она на самолёте Люфтганзы) очень вежливо и предупредительно произнёс:

– Фрейлайн, произведена посадка.

«Что, – подумала Габриэль, – мы уже в Москве?»

Габи постоянно думала о Германии

Миллионы людей проклинали Германию и немцев, и это проклятие довлеет над ней. «Любимая, дорогая Германия, – думала Габи, – твоя трагедия в твоём непонимании русского духа». Этот народ победить невозможно, слишком прост. А в простоте – незамысловатая мысль: русские не цепляются за жизнь, легко с ней расстаются за идею, правду, справедливость, Родину, Бога. Потому только у русских есть пословица: «Двум смертям не бывать, а одной не миновать». Их отчаянная храбрость сродни безумию. Какой ещё народ может так сказать: «На миру и смерть красна» или «Биться до последней капли крови!»

Габи не переставала удивляться богатству русского языка, её поражали народные пословицы, фразеологизмы. Однажды, наткнувшись на незнакомое ей выражение «шкурный» интерес и найдя объяснение в специальном словаре, она разгадала русскую душу. «Вот именно, – решила она: у русских начисто отсутствует «шкурный» интерес». Конечно, бывают и исключения из правил, и при этом почему-то предстал образ Оргиева, любимого мужа. Но он только по паспорту русский – европеец до мозга костей.

Габи ни на секунду не забывала о том, что она немка. Все её попытки думать на русском ей не удались. Сознание приспособилось, и память почти не подводила в знании русского языка, что она освоила в совершенстве и могла на нём на автомате говорить и рассуждать, при этом параллельно слова, фразы звучали на родном языке. Первое время это беспокоило её, потом она легко адаптировалась. Труднее было, когда она сталкивалась с непониманием людей, вдруг узнавших о её национальности. Не враждебное восприятие и тем более возмущение, удивляясь, хотели узнать подробности. На все попытки залезть в душу Габриэль давала понять, что не расположена к подобным разговорам. Искренность была не в её характере, тем более что она невольно нередко была подавлена чувством вины за зверства нацистской Германии. Мучилась вопросом, как случилось, что Германия с её классической, гениальной немецкой философией, поэзией, музыкой родила монстра, с отвратительным человеконенавистническим фашизмом?

Страшно настолько, что сознание отказывается думать о чудовищных бесчинствах в России. Как легко было пробудить в немце самые низменные инстинкты, внушив расовое превосходство. Один человек загипнотизировал целый народ, словно факир стаю кроликов, мыслью о мировом господстве.

Как-то в разговоре об истории Германии с сыном Павлом Габриэль позволила себе усомниться в том, что немецкий народ был заинтересован в конфронтации с Россией на протяжении большого исторического периода. С каждой войной Германия несла большие потери, кто-то просто подталкивал её взять реванш за поражение. Заинтересованные извне в ослаблении России и Германии, сталкивали их лбами. Эти мысли сменились пониманием новых реальностей. Россия стала частью мировой экономики.

Похоже, сейчас Германию используют в самых неблагоприятных целях под самыми благовидными предложениями. Габи всячески избегала политических дебатов с кем-либо и где-либо, даже дома, в семье, в Москве, не говоря уж об Италии. Но мысли у неё по этому поводу, несомненно, были. Великая шахматная игра мировых держав с запутанными ходами, обманом, ложью и клеветой, войнами, революцией, эпидемиями заключалась в одном – отстоять свои интересы.

Габриэль, много видя, понимала, что игра идёт без их участия. Народы управляют умные, коварные, образованные, умело подводя человечество к пропасти – Третьей мировой.

С возрастом склонность к размышлениям заметнее, она почувствовала желание понять русских. Поражалась открытости, прямоте, добродушию и даже наивности. Оргиева восприни-

мала немцем, тем более что на немецком и французском он говорил лучше, но не знал немецких песенок, что она слышала в детстве в своём маленьком уютном городке рядом с Кёльном, где в крохотной кирхе в своё совершеннолетие она принимала посвящение конформации. Никогда она не забудет то лёгкое платье, надетое матерью в летний день, её поцелуй и её прикосновение к кресту. Как и стихов Гёте и Гейне, что звучали в ней как молитвы, когда она хотела успокоиться и вновь почувствовать ту невесомую лёгкость, испытанную ею в беззаботном детстве. Благоухающая Германия, где каждое слово родное.

Анализировать всё происходящее и не спешить с выводами – было правилом Габриэль. Умела держать паузу и быть последовательной. Павлу она привила ответственность в словах и поступках, руководствоваться в жизни здравым смыслом. Сравнить Россию с Германией давно престала. Сравнение было не в пользу последней. В Италии всё же узнали о её происхождении. Был разговор в сетях, не является ли она нелегалом? Габи ответила на это смехом и не стала переубеждать сплетников из интернета. Она представила себя в роли шпионки, разведчицы, соблазнительницы коварной, подумав: «Могла ли я быть таковой. Маты Хари из меня не получилось бы. Родилась другой и к лицедейству не приучена. Характер и воспитание не сделали меня авантюристкой, и рисковать не по мне. Я была влюблена, и только. Этим я руководствовалась в жизни. Представив меня шпионкой и разведчицей, соблазнительной и коварной, даже не подозреваете, что польстили мне».

Освоившись в России, решила помогать новой Родине. Желание возникло не вследствие просьбы мужа или соответствующих органов. Из первых поездок работы в Италии сложились хорошие отношения с представителями науки. Из бесед строила свои предположения, делилась с заинтересованными лицами в России. В Германии нашёлся сторонник, уважающий Путина, предложил сотрудничество, руководствуясь симпатией. Вначале Габриэль сомневалась, как и ответственные люди в Москве. В редких встречах вместе размышляли о судьбе Германии. «Чего хотят от России?» – спрашивала Габриэль. Сопутник отвечал: «Того, что хотели Наполеон и Гитлер. Германия нанесла непоправимый и невозполнимый урон России, что великодушно, как подобает великой, миролюбиво смотрит в будущее, надеясь, что урок истории не забудут».

Информация об активизации деятельности НАТО вблизи границ России тщательно проверялась и находила подтверждение из разных источников. Одним из которых был друг из Берлина. Украинская аномалия вроде второго Чернобыля с радиоактивными осадками сейчас, пепел обугленных людей, горевших, словно факелы, достал старый свет смрадным запахом.

Технология манипуляции человеческим сознанием совершенствуется. Мысленная передача информации, частотное воздействие на организм. Биорезонанс может сделать человека зверем, с мыслью о моральном превосходстве, как более успешного.

Одержимость Альберта

Он идёт размашисто, широко ставя ноги. Походка некрасивая, но уверенная, если не сказать сокрушительная, по ней видно: у человека дерзкий характер и упрямая природа. Идёт, ничего не замечая, не обращая внимания. В глаза бросается лысая голова, крупные черты лица, более заметен нос, руки и ноги кажутся непропорционально большими. Весь, сливаясь в одно большое пятно в форме восклицательного знака, прямого, твёрдого и резкого, поражает стойкостью духа, который витает над ним каким-то неясным световым пятном. Неужели нимб, смешно, может, аура или какие-то электрические разряды, импульсы? Долговязую фигуру скрывает удачно подобранный костюм, галстук и портфель в руках. Похож на делового человека. Выражение лица сразу схватить трудно. Молодой человек тридцати трёх лет с именем Альберт, движется стремительно и неотвратно для всех, кто встречается на пути. Люди невольно расступаются. Его решимость читается во всём. И прежде на знамени, что несёт, где начертано «Победитель».

Невидимая, но ощутимая, явная упругость тела, его бескомпромиссные тёмные глаза, что видят мир преобразованным. «Я сделаю его лучше», – уверяет их взгляд. Что думал он, воображая о Вселенной? Молодой учёный, биолог-генетик из Новосибирска, работающий над проблемой подготовки человека к полёту на другие планеты, прибывший по направлению сибирского отделения Академии наук для продолжения исследований в Москве.

Здесь обещали предоставить лабораторию. Он поставил себе задачу создать человека новой формации с безукоризненными генами, исключая наследственные болезни. Его искания – кассетная замена генов. «Мы будем строить и собирать в рациональном гуманистическом ключе человека, избавив от патологической наследственности. Человека будущего, способного противостоять новым вызовам времени, готового к межпланетным полётам. Переселенец в другую Галактику».

Он мечтал о блестящей карьере, новых открытиях в сфере деятельности человека, изоощряющегося в своих преобразованиях на планете, что нередко входит в противоречие с природой. Изменяя своему разуму, человек стремится к неосмысленному безумию. Нравственно ли менять человеческую природу? Его ответ был утвердительным, без тени сомнений. Тем самым оставив отечественную науку без выбора, потому что Запад давно озадачен строительством баз на Луне. Земля охвачена ими, пора взяться за другие планеты, а там, глядишь, черёд за Галактикой.

Приехал накануне избрания нового президента Академии с мамой, женщиной в возрасте, статной, собранной, аккуратной, не лишённой привлекательности, трогательной скромностью, неброскостью в одежде и сдержанностью в проявлении эмоций в разговоре, с приглушённым голосом, с незакрашенной сединой, тихим, невозмутимым взглядом спокойных, мудрых глаз. В душе, несмотря ни на что, не расставалась с оптимизмом, что при каждом случае спешила внушить сыну. Материнскими глазами влюблённо и преданно смотрела на своего единственного. После смерти мужа, всю жизнь плутовавшего в лабиринтах математики, считая, что ей под силу осмысление происходящего на всех планетах всех галактик, остался только сын, убежище её души и надежды. Муж утверждал, что математика вычислит и выведет формулу божественного возникновения искры, от которой зародилось бесконечное пространство пространств. Коллайдеры из теории воплощались в жизнь. Альберт перенял математическую страсть отца, предположения о возможностях и будущем математики. Особенно его интересовала роль математики в научной сфере деятельности человека, в биологии и химии. Иногда отец вызывал в нём улыбку своей несколько странной походкой, неспешной и выразительной, с тростью, что непременно спешила в руках вследствие широкого замаха, тогда как ноги не поспевали за этим жестом.

Сейчас Альберт, работая над математической шкалой генов и хромосом, делая расчёты формулы коэффициента прогрессивных значений, вспоминал отца, что подчёркивал смысловое обоснование всех научных изысканий. Отец был скуп на жесты, но уж если замечал, что студент не понимает, то стремительность, с какой он писал числа уравнений на доске, становилась поразительной.

«Смысл, – убеждал отец, – самое устойчивое и главное в человеке, он – связующее звено между ним и его деятельностью».

При этом губы, постоянно собираясь в иронические складки у рта, говорили, что этот мир он воспринимал легко и непринуждённо. Математическая гармония сознания, которой придерживался в жизни, подразумевала совершенство и свободу мысли. Лаконичность мимики лица парадоксальным образом была более чем выразительной. Всего лишь приподнятая бровь показывала недоумение, а застывший взгляд – возмущение. Студенты быстро замечали смысловое значение незаметных смен в лице и чётко представляли отношение к себе при этом.

«Перед наукой преклоняюсь, жизнь люблю. Альберт, ощути полноту белого света, чувствуешь его притяжение? На мелочи смотри свысока. Зависть, пошлость, подлость внимания не достойны». Лицо, полное решимости и уверенности, было тому подтверждение. Оно вдруг становилось чистым, без морщинистых погрешностей, как линейное уравнение. Говоря, своим видом показывал, что отбрасывает всю низость мира, мешающую сосредоточиться на главном. За деревьями леса не видно. Так и суэта не даёт увидеть смысл науки.

Отец любил вкусно поесть, вечером помузицировать. Концерты и галереи. Собирал советскую живопись. Живя в Ленинграде, любил бродить по дворам, мостам, набережным, по Невскому. Встречая знакомых, справлялся, как дела, как здоровье. В Академгородке он слыл интеллектуалом, мыслящим парадоксально; желающие убедиться в этих достоинствах заключали – энциклопедист.

Время знаний, как этот портфель с лекциями, журналами, учебниками, всё тяжелее. Когда многое открывается, становится очевиднее, что неоткрытое – огромно. Если учение делает человека всеведущим, грамотным и мудрым, то он может наблюдать, анализировать и делать выводы. Житейская мудрость предпочтительнее или всё-таки знания? «Конечно, знания, – рассуждал отец, – двигатель времени. Часовой механизм – зародыш прогресса. Человеческое общение иногда способно породить нетривиальные мысли, абсолютно случайно в беседе можно наткнуться на что-то оригинальное, что приведёт к открытию. Поэтому на лекциях я более чем терпим к трёпу ребят и самым невероятным суждениям и предположениям».

Удивительно, на лекциях в новосибирском университете, где преподавал математику, было место анекдоту, какой-то истории о нелепом случае. Непринуждённая атмосфера, где каждый не испытывал никакого давления, делало занятия лёгкими, приятными, никто не ждал звонка.

– Фантазируйте, воображайте, самое неожиданное то, что ещё не говорил никто, смелее, авантюрное.

При этом, хитро прищуриваясь, говорил про себя: «Сейчас расшевелю вас, вы заработаете мозгами». Отец носил бабочку вместо галстука, не претендуя на образ денди, не пытаясь быть заметным модником, просто был противником устоявшегося, говоря: «Прочь застенелое в одежде и мыслях». Образ мысли начинается с внешнего вида. Коллеги не спорили, считая это бестактностью. Про себя не соглашались, ссылаясь на гениев, что не брали во внимание внешнюю сторону жизни, тем более одежду. «С каким изяществом отец носил пальто, пиджак, – вспоминал Альберт. – Мне всё в нём было интересно». Иногда казался занятным, особенно его общение с мамой. Странно звал её «милашка», что вызывало у Альберта улыбку, она в ответ звала «франтом». Каждый из них стремился соответствовать этим определениям. Мать Альберта ценила в семье атмосферу, располагающую к юмору, смеху. Недомолвки и неясности разрешала легко и просто, в семье всё начистоту: говори как есть, не юли.

«Жить надо со вкусом, аппетитом, с настроением. Человечество трудилося столько веков для меня, создавая шедевры в науке, искусстве. Даже просто окинуть взглядом эти сокровища невозможно. И кто-то ещё задаётся вопросом «быть или не быть». Милые мои, – обращался к студентам. – Вы – счастливые люди, родились в прекрасное время, дерзайте, стройте немислимые планы. Мечты воплотятся в жизнь». За это его прозвали «Мечтай-ка». «Не «Сухарь» и не «Учитель-мучитель», таким званием надо гордиться, – рассказывал он жене за обедом. – Они такие же дети, как мой Альберт».

Альберт, подстать отцу, в мыслях рвался решить главную задачу человечества: сделать человека счастливым. Такой же неутомимый, почему-то думал, что жизнь вечна. С чего это?! Однажды так решил и почувствовал себя свободным. «Время не властно над мыслью, модель совершенной матрицы генов сделает человека сильнее, – утверждал он. – Связь между человеком и его сферой деятельности станет всем очевидной, решающим фактором жизни на Земле». Пытаясь это доказать, он, став аспирантом, практическими опытами приблизился к этому. Волновые гены и голографические хромосомы будоражили его воображение.

* * *

Мухи – более чем подходящий биоматериал, он использовал их чаще, чем крысы. Они экономичнее и неприхотливы. Неистовый Альберт день за днём посвящал всё своё время науке, забыв обо всём остальном. Лишь иногда Куколка, его девушка, прорывалась в его сознание и память, воспроизведя её лицо и тело, напоминала тёплой волной о том, что есть ещё чувства. Фото Куколки было заставкой в телефоне. Звонок – и вот Лариса смеётся радостно и поднимает настроение.

«Тщетность всего, кроме бесконечной верховной мысли, смысла сущего. Смысловой запал, сокрушающий всё, что мешает проникновению света» – этот жизненный постулат отца был для него молитвой. Хотя вначале он не мог понять логики высказывания, потом пришло понимание: мысль – это свет, всё остальное – тьма, то есть бессмысленность. Но как быть с чувствами? Он не решался причислить их к бессмысленности. После встречи Ларисы в странном образе Роми Шнайдер на губернаторском балу в рождество сомнения всё чаще посещали его, и он не мог не думать о Куколке. Иногда так хотелось её тепла, близости, смотреть в глаза, что словно огоньки или фонарики, делающие всё вокруг светлее. Что-то необъяснимое и несравнимое, притягивающее и манящее. Хочется видеть это лицо – простое, детское.

Семья Альберта – отец и мать, преподававшие в Ленинградском университете, – попала в Академгородок по зову партии. Тяжелее всего было покидать любимый город отцу, выросшему в профессорской семье известного математика. Ему до последних дней снились белые ночи и разводные мосты, залпы пушки с Петропавловской крепости, отсчитывающие время. Прямые линии проспектов и площадей, поражавшие своей правильностью и изысканностью, заключавшие в себе совершенство сдержанной простоты лаконичной северной холодности мрамора. Безукоризненная завершённость академической архитектуры, что верно и точно отсекала всё лишнее, оставляя лишь классическую стройность. Все, кто жил в этом прекрасном городе, впитавший его величавость, имперский размах, был наделён особым характером петербуржца, что, как залив, мог быть спокойным, невозмутимым, ласкать гребешками лёгкой волны гавань, а то грозить разливом и затоплением, что случалось много раз. Потом вода спадала, волнения утихали. Всё это и последующая блокада в Отечественной войне сделали людей стойкими, упрямыми, с обострённым чувством справедливости. Рождённый петербуржцем, останется им навсегда. У них у всех характер цельный, конкретный, они вдоль да около ходить не будут, скажут, что думают, стойкие, как гранит. Порой кажется – у них у всех что-то от Петра Первого. И грозен, и справедлив, и жертвенен – бросился спасать тонущего.

Как отчётливо перед глазами предстаёт тот день, когда вернулись из эвакуации, из далёкого города Ташкента. После блокады не узнали своего дома, устоявшего, не превратившегося в руины, всего изрешечённого снарядами, со сгоревшей крышей, израненного, как весь Ленинград. Отец рассказывал Альберту, как, будучи ребёнком, видел взрослых, поднимавших город, как он преображался. Голодные, измождённые, разгребали завалы вместе с военными. И как домой отец принёс горсть конфет и кулёк сушек. Запах разрухи, битого кирпича, пыли штукатурки, горечь во рту, першение и забитость носа от гари и копоти обгоревшего, обугливающегося города. Лишь Нева хранила свою величавость, прибой с залива угрожающе бился о гранит. На набережной люди рыдали, не веря, что остались живы, что любимый Ленинград плывёт, скользит по выстраданной глади мучительных, трагических дней фантастическим кораблём в лучезарное будущее. Все хотели жить, вдыхая сырой воздух города, как самый дорогой бальзам бессмертия. Люди, вновь осознав себя, поражались чистому небу, отсутствию воя сирен. Они обнимались и целовались как самые родные и радовались друг другу, словно воскресшие. Отец часто напевал любимую песню «Спи, мой Ленинград, я тебе спою колыбельную песню свою» тихо, вполголоса. Ему подпевала мама, а потом и для Альберта она стала близкой и понятной. С друзьями за застольем эта песня была обязательна, с оттенком грусти, любви и преданности.

* * *

В отличие от отца, Альберт – новосибирское дитя, как правило, каждый отпуск родителей ездил в любимый город встретить белые ночи, полюбоваться расцвеченным городом, что как поэма. В Академгородке Альберт знал все уголки парков, садилов, дворов, всех собак по имени, освоил лыжные трассы по периметру, любимый вид спорта наряду с коньками. Вначале не всё получалось, плёлся в хвосте не только взрослых – ребят, своих сверстников. Потом вдруг произошёл рывок, кто-то высказал предположение, что подрос, конституция способствовала развитию ног и рук. Сразу как-то вымахал, его даже поддразнивали то оглоблей, то каланчой. То время возмужания кажется таким непонятным, далёким и быстротечным. Закончилась школа, а вот у него уже диплом университета. О юность, как тебя воспеть! Сколько же горечи, как и сладости. Ты дорога тем, что не повторишься, освещающим фантомом и звёздным небом, что было, на удивление другим, непостижимым, как жизнь впереди.

«За счёт роста берёт, – говорили ребята. – Шаг хороший, и руки лыжника». Не подзревая, как отчаянно он занимался дома с гантелями и экспандером, ещё помог турник во дворе, мышцы позвоночника укрепил. Стал всех обгонять, на соревнованиях побеждать. Тогда почувствовал лидерство, возникла стремительность тела и мысли, движение в пространстве, наполненного духом мечты, устремлённой в нереальность. Тяга души к невозможному сделала заложником внутреннего одиночества, где чуждое накладывает тень на свет, к которому он стремился. Альберт избегал замкнутости, но выходило само собой, всё ограничивалось кругом интересов: химия, физика, биология – то, чем бредил.

Чем больше был скован внешне, тем больше ощущал потребность внутренней свободы, которую давали только знания. Свой разгорячённый разум Альберт хотел остудить наукой, прагматичной, доказуемой, всё подвергающей сомнению. Удивительное дело – уже будучи аспирантом, понимал: за каждым опытом и выводом следовала неубывающая потребность ощущения души, убеждение, что только одушевлённая наука во благо человека. Это понимание будило стремление к большему познанию, выходящему за рамки сознания. За внешней странноватостью невозможно было не разглядеть его страсть к науке. А могло ли быть иначе, когда в Академгородке обитал необычный подъём духа знаний? При этом он замечал, что не так привлекателен, что не вызывает интереса у девчонок, хотя не тяготился этим.

В этом замечательном месте открытий было столько человеческого тепла, всё так удобно и приятно. Люди понимали: не весь Советский Союз так живёт, государство по максимуму

избавило людей науки от рутинного быта. Прачечные, химчистки, столовые, больницы, транспорт – на столичном уровне. Отец всегда подчёркивал, что добросовестность, порядочность – качества советского человека. В перестройку столкнулся с совершенно противоположным, стараясь не утратить оптимизма, пытаясь во всём найти хорошее или хотя бы обнадеживающее. Хулителей социализма обходил стороной и избегал тех, кто страдал перестроечным зудом, превознося до небес западный индивидуализм. Он понимал: что-то не так, людей вводят в заблуждение посулами, как в революцию 17-го года.

Он считал, что коллективная общность не должна восприниматься чем-то ограничивающим индивидуализм, никакого обезличивания, никакого растворения и уж тем более наличия стадного чувства.

Он существовал и верил откровенно и искренне в развитый социализм, что многим дал прекрасное образование, возможность раскрыть свой творческий потенциал. Вновь кто-то решил разрушить Россию, опять увидев в ней конкурента. История повторялась.

Академгородок, ухоженный и приглаженный, жил обычной жизнью советских людей: демонстрации, митинги, диспуты. Дни рождения в коллективе, поздравления с открытием или каким-то заметным результатом, с присвоением звания. Всё это было утрачено. Разобщённое общество вдруг вспомнило девиз «каждый за себя» и что Родина там, где жратва, шмотки. Распался Советский Союз, кто-то умело сыграл в свою пользу, сделав ставку на национализм.

Рядом здесь же природа, свойственная только этому краю, в основном холодная, неприветливая. Зима – самое долгое время года, самое бодрое. Мороз, морозец, такой затейник. Всё разрисует завитушками, присыплет серебром, духом своим беспокойным, снегом взметёт, заблестит, заслепит, солнечные очки наденешь да на лыжню, да в лес – любоваться вековыми соснами в белых тяжёлых шубах, что обвисли на ветках. Были ещё сани на Новый год, детей катали прямо как в сказке, с бубенцами, с Дедом Морозом и пахучим сеном, на нём тепло да мягко. Не жизнь – сказка. Какие красивые люди, лица чистые, радостные. Вот соревнования: «Лыжня зовёт», огромный транспарант на старте – «Все на лыжи!», и ещё «Лыжня – здоровье», и ещё лыжная трасса «Малышок». По всей трассе киоски, чай. Потом гулянья после вручения наград, кубков и вымпелов. И никакой усталости. А придёт лето, побежим марафон со всеми вместе, под музыку, будем пускать шары в небо, походы, костры до утра, гитара, романтика. И никто не говорил о национальности, о вере. И немногие знали о наркотиках, рабстве и продаже органов. Были те, кто очень привлекательно разрисовал Запад, словно там молочные реки и кисельные берега.

И всё на таком подъёме, энтузиазме, что как-то саморазумеющиеся песни, что исполняла душа, радостные и свободные. Люди жили красиво, читали книги и ходили не только в кино – в театры, филармонию, галереи.

И то не сказки и байки, просто здесь уже был коммунизм, правда закрытый и не всем доступный. Тому были объяснения, страна остро нуждалась в научном прорыве во всех областях. Поэтому маленький островок почти коммунизма во благо всей страны. Полные прилавки, всё, что душе угодно. И весь бытовой комфорт по лучшим зарубежным образцам. Жили себе люди и не в чём себе не отказывали. Понимали это и старались своей работой оправдать эти привилегии и блага.

Мать Альберта часто размышляла о будущем Земли

Люди создали цивилизацию, несовместимую, не способную существовать с природой. Сильные мира сего в большей мере обеспокоены лидерством. Бесконечная гонка вооружений привела к деградации человека и краху экосистемы планеты. Изуродованный разум человека воплотился в удручающем облике Земли.

Материнские высказывания проросли в сознании Альберта сомнениями по поводу создания нового человека.

– Не знаю, мама, может, уничтожить результаты работы? Боюсь, они могут привести человечество не к прогрессу, а к деградации. Теряется смысл зачатия и рождения.

– Наука имеет ли право менять человека, его божественную суть? Или она вне Бога и морали?

– Мама, это смешно – мучиться вопросами Раскольников: «Тварь ли я дрожащая?». Учёные выше всего этого, и наука. Надо быть настырным, непреклонным и строптивым, чтобы обуздать абсурд и доказать свою правоту.

– Тебе свойственна ясность цели. Ты упорный, настойчивый, пробивной, короче, стоик. Твоя манера говорить резко, прямо, без предисловий, извинений, сносок, поправок, не предполагая другого мнения.

– Мама, ты, может быть, не в курсе. Сейчас такой момент: или мы, или американцы. Понимаешь, речь идёт об освоении Луны и Марса. Луну поделят без нас. России нужен на Луне собственный плацдарм. Построив на Луне базы и целевые спецстанции, техобслуживание достигнет нескольких стратегических целей. Опыт жизнедеятельности людей на другой планете, будем добывать и использовать полезные ископаемые или водяной лёд, который можно не только растапливать для питья, но и разлагать на кислород и водород для кислородно-водородных ракетных двигателей. В перспективе на Луну можно будет переносить вредное производство, чтобы очистить Землю от отходов.

При этом Альберт отмечал, что концепция развития человеческого потенциала шире модели экономической. Общество зависит от качества его членов. В понятие «качество» он, прежде всего, включал образованность, здоровье, самосознание. Мать, соглашаясь, добавляла: «Угасание самосознания человека приведёт к краху смысла его деятельности. Тогда перспективы его в долгосрочном плане туманны. Лишь нравственность сохранит планету».

Пение птиц приводило в восторг мать Альберта. Распахнув окно, слушала, как заливаются пернатые. Позовёт своих мальчиков присоединиться, будет объяснять, кто солирует. Каждую трель знала она. Кто запоёт первым по весне и стрёкот скворцов. Сбивчивый, бесперебойный трёп воробьёв. Писк трясогузки и нежные заливки синицы. Гуляя в парке, прежде всего интересовалась повадками птиц, окрасом, голосом. Особым нравом выделялась ворона, своей напускной важностью, вышагивала как генерал, строго подглядывая вокруг, наглядно проявляя негатив к голубям и кошкам. Ворона была самым ярким представителем городской фауны, законодательницей на помойках. Жизнь за пределами городской черты её не интересовала.

Мать Альберта обращала внимание на растительность, не обделяя вниманием каждый кустик, каждую травинку, веточку, бабочку. При этом напевала про себя известный мотивчик: «Этот мир придуман не нами».

Отец же выводил другую мелодию, словно передразнивая её: «Цветики, цветочки у меня в садочке, не повисли, не завяли, не доросли – оборвали». Кухня у неё была увешена декоративными тарелками с изображением птиц и цветов. Их собирали со всего света, бывая в командировках, и друзья, зная их пристрастия, дарили на дни рождения, праздники. Кроме того, в кухне красовались два натюрморта: фрукты в вазах, цветы и птички замороженно и с любопытством смотрели на бабочку, сидевшую на букете. Эта красота старых мастеров была привезена из Ленинграда. Много замечательных вещей перекочевало из родного города. Они напоминали о прежней удивительной жизни, их молодости, месте, где они, казалось, проживут всю жизнь долго и счастливо. Пейзажи с видом мостов и набережных висели на самом видном месте. Узнаваемые, знаменитые места Санкт-Петербурга, что снились каждую ночь. Она помнила и горестные дни памяти и скорби, когда, вспоминая погибших, по Неве пускали бумажные кораблики по числу страшных дней.

Академгородок пленял тем, что жил в мире с природой. «Этот мир придуман не мной», – мелодия продолжала вертеться в голове матери Альберта. Она часто повторяла сыну, что в этих словах большой смысл. «Ты понимаешь, – говорила она, – мы не вправе уродовать Землю, человек должен осознавать с детства свою ответственность перед природой».

Вставая раньше всех, она любила выйти к подъезду двухэтажного коттеджа на две семьи, соседствующего с лесом, присев на лавочке в тёплой кофте, насладиться утренней свежестью и покоем. Тишина и птицы, их пение гармонично дополняли друг друга той естественно-стью, казавшейся её частью, нисколько не нарушала, а согласовывалась с благодным безмолвием, что обрамлялось тонкой дымкой, словно лёгкой паутинкой невесомого тумана. Молочная пелена с отливом серебра всего лишь на мгновение зависала в воздухе, пока солнце не явилось из-за горизонта, и таяла при первых его лучах.

Трели соловьёв, что они издают как признание готовности любить. Иногда они затихают на мгновение в надежде услышать ответную песню. Всё замирает, и миг безмолвия, как благословение Бога, любовью упоённой природы.

«Этот мир придуман не нами» – вокруг этой фразы крутились мысли о совершенстве природы, поражающей своей гармонией, что должна облагораживать человека. Этот мир придуман непостижимой волей.

Мать Альберта была женщиной весьма примечательной, но сложной, не терпящей компромиссов. «Так не поступают порядочные люди», – говорила она с той удивительной интонацией человека, принявшего эту аксиому, проверенную временем от своих предков, что традиционно придерживались в жизни этого курса. Порядочность ставилась выше всего, и совести в том числе. Потом шли ответственность и исполнительность. Пунктуальность до минуты. Она приходила на кафедру первой, уходила последней, на что обижался муж. Смеясь, он говорил Альберту: «Мама нас совсем не любит. Так хочется с ней поговорить. Жизнь так испаряется, как крохотная лужа под нещадным солнцем. Самое ужасное, что небо, отражавшееся в ней, стремительно сужаясь, в конце меркнет. И нет силы изменить этот процесс. В последней надежде обращаешься к душе, а она молчит, как и Бог, обречённо сливаясь с вечным безмолвием. Надо дорожить временем, не пренебрегать друг другом, не избегать общения».

Альберт – натура живописная, рельефная, или проще, жанровая, но никак не утончённая. Хотя он не изображал на своём лице каких-либо гримас и никаких ужимок не вытворял, но по всему было видно, по глазам, по губам, когда он был в презрении, гневе, досаде. Метущимся его не определить, внешне он всегда спокоен, а вот истовым, пожалуй. Увлечённый идеей, живущий, дышащий ею, видевший только в ней цель и смысл, но прикрывающий всё это иронией и чаще всего над собой.

Когда человек молод, ему хочется думать, что это навсегда. Кругом мир с распростёртыми объятиями, полный любви и солнца. Люди с улыбкой и добрым сердцем. Так, может быть, было в Академгородке. Петь дифирамбы молодости начинаешь с её утратой. «Что имеем, не храним, потерявши, плачем» – казалось бы, избитая истина, но когда вспоминаешь нашу радость от первых успехов сына, его дипломов, побед в олимпиадах, когда сами что-то пытались сделать заметное, писали по ночам статьи в специальной литературе, в журналах по биологии, математике, думаешь, что только тогда и жили, стремились быть воодушевлёнными порывом, быть нужным, полезным Родине. В университете главным было научить студентов, стране так нужны были образованные специалисты. Мать и отец Альберта были людьми советской эпохи, великой и ещё до конца не осмысленной. Они до самозабвения любили свою работу, Родину и считали это главным, внушали это сыну. Когда же рухнул СССР, они не могли это понять и объяснить и видели в этом большую трагедию.

Наука, открывающая дверь в будущее, благосклонная к дерзким, наделённым противоречием и воображением, что дружат со знаниями и кто готов карабкаться изо дня в день на вершину самой высокой точки мечты человечества, где видны горизонты его будущего. Учёный,

преданный своему Отечеству, не променяет скромную лабораторию ради заморских посулов. Как странно, что столько русских учёных рассеялись по всему миру. Неужели им незнаком патриотизм, или человеческие слабости превалируют, и комфорт и деньги стали главным? Русская, российская наука в загоне, её гнобят и пытаются уничтожить разными способами реорганизаций. Кто вынудил молодёжь уехать навсегда за достатком, кто был равнодушен к ним, почему они не нашли здесь, на Родине, поддержки, не услышали нужных слов? Неужели все они такие циники или ненавистники? Или всё в нашем обществе отвратно, неужели безнадёга и надо сваливать? Отец Альберта дышал наукой и без неё себя не мыслил. Он постоянно внушал сыну свой, понятный ему, фанатизм. Альберт уверовал в фантастические возможности науки и вере своей не изменял. «Мечта человечества, в чём она? – думал он. – Конечно же, в свободе мысли. Человеческая мысль должна достичь такого развития, что сделает возможным сохранить Землю, сделав её гармоничной во всех смыслах. Гармония человека сделает его частью природы и частью других планет и галактик, он будет летать в гости к инопланетянам, словно к родственникам в пригороде Москвы. Какое красивое будет это время, человек будет очень красив, лишившись всего негативного в себе. Золотой период человечества, он уже на пороге».

Будни Академгородка

Об обитателях городка сочинялось много легенд. Мифотворчество было связано с тесным общением. Все друг о друге знали. Традиция возникла со времён строительства. Говорят, для экспериментального атомного реактора место выбирали с особой тщательностью. Изучали почву, исходили из надёжности и безопасности. Нашли аж за двести километров от Новосибирска и назвали термоядерным скитом. А до Академгородка проложили скоростное метро. Были ещё скиты, назначение которых никто до сих пор не знает.

Любили городошники, так они ласково себя называли, сочинять эпиграммы, анекдоты. Отец Альберта был героем мифа о человеке-линейке, у которого всё поделено, умножено и выведено, как в уравнении. Свои мысли о перспективах математики иногда говорил вслух, представляясь штангенциркулем, угловатым, острым. Он же считал математику поэзией и, более того, уверял: погрузившись в цифры, словно в звуки, можно услышать и записать симфонию. Студенты за глаза звали бесконечным уравнителем. Ему всегда не хватало даже четырёхстворчатой доски, по которой писал и писал решение за уравнением и так далее. Не случайно ему первому установили электронную доску.

Альберта нарекли восклицательным знаком не столько за высокий рост, как за привычку восклицать одну полюбившуюся фразу «Идея есть!». Откровенно говоря, достал этим возгласом. У него так и вертелось это слово «идея». Его дразнили: «Идейка, идёшь на семинар? Какие идеи насчёт предстоящей сессии?»

Мать Альберта любила читать, собрала хорошую библиотеку и гордилась тем, что у неё полное собрание сочинений Мопассана и Бальзака, русские классики, помимо книг по биологии, математике и генетике, приличное количество альбомов по искусству. В кресле, под абажуром она листала цветные иллюстрации и со вздохом мечтала увидеть полотна знаменитых художников.

– Всё любишься, – смеялся над ней муж, не решавшийся напомнить об ужине.

В тон ему, смеясь, ответила:

– Как кушать захотелось, так обо мне вспомнили. Кудрявчики вы мои, потрепать бы вас за чубчик, да, хитрецы, заблаговременно зачесали его бритовкой под ноль, никаких шансов мне не оставили. Да я на вас всё равно управу найду, писать буду в местком, что по утрам зарядку через раз делаете. Посуду не моете, уклоняетесь от бытовых забот, возложив их на мои хрупкие плечи. А кто-то мне обещал приготовить ужин или завтрак, хотя бы омлет или блинчики.

– Дорогая, это штампы, придумай что-нибудь новое, слог другой, поменьше избитых выражений. Что-нибудь заковычное, вроде того: мы невероятные бестии с генетической инвазией, зацикленные на космических, биологических, математических проблемах.

Как же всё было хорошо, и кругом дыхание благополучия, уверенности и стабильности. Страна казалась незыблемой, советская наука сделала её могучей.

Тогда же вместе смотрели на шумевший сериал «Сага о Форсайтах». Спорили, проводя параллели менталитета англосаксов и русских, говорили о генных кодах. На передвижной столик перед телевизором водружали чай, что в английских традициях. Вспоминали: прежде в Англии пили чай из России, «Иван-чай». Здесь же пироги с капустой и с грибами, что отменно пекли в самом посещаемом магазине Академгородка «Полуфабрикаты». Жизнь со знаком плюс. Любил подчеркнуть отец Альберта: «Как всё-таки у нас хорошо, воздух, зелень, фонтаны, скамейки. В квартире уютно, всё радуется, несмотря на железный занавес, что опустил Черчилль, и санкции Запада. Англосаксы со своими замашками колонизаторов даже в «Саге о Форсайтах» проявили себя таковыми. «Ой, – отзывалась на это мать Альберта, – как вы хорошо устроились, любо-дорого. Если бы так весь Советский Союз жил». Умела она в момент благодушия напомнить, что действительность не столь радужна. «Мы над этим работаем, искренне верю, что Советский Союз будет процветающей страной. Народ с достатком, грамотный, культурный. Мы столько прошли испытаний, одержали великую победу». Отец Альберта был искренен, тогда как мать выражала сомнение.

– Ты для кого говоришь, – одёргивала его жена, – словно на трибуне, думаешь, нас подслушивают, или так считаешь? – В голосе её колкая насмешка, а во взгляде читалось: «Бравурных речей не люблю, ты знаешь». В памяти её было немало примеров, что могли скомпрометировать веру мужа, обнародовать не имело смысла, они представляли секреты.

Отец был в замешательстве, не знал, что ответить, но, заметив, что его растерянность заинтересовала Альберта, понимал, что отмолчаться не получится, это может посеять сомнение в душе подростка, что полон энтузиазма, со значком комсомольца. Он знал, чем вызван скептицизм жены. Старая русская знать, лишившаяся всего в годы красного террора.

– Дорогая, а что ты скажешь про ядерный паритет и первый человек в космосе – наш гражданин. На этом ставлю точку. Потому что Родину не обсуждают, ей, как матери, чем могут, служат.

Это высказывание говорило о том, что дебаты на исторические темы в данный момент не уместны.

– Ой, не надо патетики, когда свою маму даже телефонным разговором не порадуешь. Мать Альберта поняла, что разговор надо вовремя перевести в бытовую плоскость. А идеология сейчас отдыхает, дремлет.

– Вот возьму сейчас и позвоню. Только вечером, пожалуй, не стоит, спать не будет. Её и так бессонница мучает, всё боится войны, ей девяносто, она всё в страхе.

Отец Альберта звал свою маму «сердце моё», зная, как ей одиноко после смерти мужа. Предлагал переехать жить в Новосибирск. Но она категорически отказала: «Без Ленинграда я не могу».

– Альберту, пожалуй, надо пожелать спокойной ночи, – мать улыбнулась сыну и со смешком добавила: – Бай-бай, крошка.

Оставшись наедине, они миролюбиво улыбались друг другу, сверяли часы, распределяли нагрузку, как они выражались. День, расплывшийся по минутам у каждого на бумажке, были слушай забывчивости. Кому занести бельё в прачечную, кому забрать. В любимый магазин полуфабрикатов ходил тот, у кого оставалось время. Отец Альберта хитрил, стараясь увильнуть от быта под разными предлогами, при этом прекрасно понимая, что всё это не пройдёт и будет изобличён и сурово осуждён. Предпринимал время от времени попытки оправдаться, что он всё-таки мужчина и негоже ходить с авоськами, грея бутылками кефира и молока. Матема-

тику, кандидату наук как-то не пристало, хотя декан его кафедры не стеснялся этого. Когда им приходилось встречаться в «Полуфабрикатах» или прачечной, смеялись: «Вот, ради прогулки решил проветриться. Погода сегодня прекрасная, чувствуется приближение оттепели, как говорится, приятное с полезным».

Альберт пацаном не очень-то вникал в гонку вооружений, железный занавес, холодную войну, не слушал забугорные голоса и не читал запрещённую литературу, чтоб прослыть продвинутым, тем более что вскоре пришла перестройка и кончился в Академгородке коммунизм и с ним удивительное, счастливое детство, когда, казалось, всё было возможно. Бесчисленные кружки, народный театр, изостудия, шахматная школа и так далее.

Сняли пионерские галстуки, сдали, просто выкинули или спрятали партбилеты. Уже не писали в автобиографиях первой строкой: «Я – комсомолец». Куда-то подевались плакаты «Слава советской науке!», учёные засобирались за лучшей долей. Отец лишился места, его списали, как и маму. Альберт считался перспективным, оставили в команде лабораторий генетиков. Отец был подавлен, разочарован недальновидностью политиканов.

Мать твердила: «Сколько можно работать?», чтоб как-то успокоить отца, пыталась чем-то отвлечь, но получалось наоборот. Ни во что он не вписывался. Ни в махровый халат с креслом и тапочками, ни книгами, ни парком, куда тянула жена. Вдруг тоска взяла за горло, и только Ленинград казался каким-то спасением. Тут же сел в поезд, уехал, и там удалось опубликовать статью, что писал дорогой, не смыкая глаз, в «Ленинградской правде», где в отделе науки работал старый друг.

Статье, посвящённой русской науке, прошедшей много испытаний, сейчас грозило уничтожение. Удалось встретиться с первым интеллигентом, академиком, вместе посетовали на убогость чиновников, о близорукости и костности власти, в угоду кому-то поставившему институты на грань выживания, а учёных вынуждая уезжать, о советском человеке, у которого сознательности было куда больше, об отсутствии патриотизма, о том, сколько случайных людей во власти. Чаёк да тортик, высокие слова, а сделать что-то конкретное, понятно, не под силу. И академик не у власти, а около. Ему роль отведена – время от времени о совести напоминать.

Не умрёт российская наука, она жила даже в шарашках, где учёные-заключённые делали открытия, но урон ей заметный нанесут. С этой печалью не мог расстаться, даже любясь родным Ленинградом, не мог думать о сне, три ночи ходил по набережной, по Невскому, весь город исходил. Пришёл в родительскую квартиру, оставшуюся после них, позвонил в Академгородок, поговорил с женой и сыном, посмеялся, рассказал какой-то новый ленинградский анекдот, заверил, что через день самолётом будет у них, чтобы вновь обнять и поцеловать, справился об успехах Альберта, пожелал, как обычно, удачи.

Уже засыпая, представил себя в аудитории, за кафедрой, напряжённо вспоминая тему лекции. Хотел, как обычно, подсмотреть тезисные конспекты или спросить верных студентов, о чём сегодня разговор. Вскинул глаза и увидел кроме своих любимых учеников почивших родителей, ушедших в мир иной друзей и самых близких – жену и сына. Живые и мёртвые сидели по разные стороны и молча и напряжённо вглядывались на доску с надписью мелом «Слава советской науке».

«Разность и схожесть парадоксальной теории тройных корней математической линейки интегралов», – хотел он сказать, но вместо этого чуть слышно губы пролепетали: «Альберт, Берти, сколько раз я собирался поведать о своей тайне, о любви к тебе, но так и не решился, о чём очень жалею».

«Ты мне очень дорог и очень близок. В тебе всё моё. Извини, что иногда был чересчур строг и требователен, хотел от тебя большего – заметного результата».

Отец потянулся руками к сыну, и в это мгновение всё рассыпалось беззвучно, без единого шороха, без единой капли, без единого листочка, просто погас свет, и не было музыки, не

было касания, ни тонкой незримой нити, ни сна, ни благоуханий, ни одной свечечки, ни одного лучика. С улыбкой и с лёгким сердцем во сне он отдал Богу душу.

* * *

В ту ночь в Новосибирске мать, проснувшись и словно что-то вспомнив и не поняв, что, промучившись, прометавшись по квартире, утром разбудила Альберта со словами: «Сынок, собирайся. Мы едем в Ленинград хоронить отца». В тот же день в Петропавловской крепости, в усыпальнице русских царей были торжественные похороны семьи последнего императора Николая Второго, расстрелянной большевиками в Ипатьевском доме.

Первый интеллигент России, известный академик нашёл время проводить отца Альберта, что-то сказав о науке, совести, порядочности.

Тогда Альберт вспомнил, что отец был человек с более чем рациональным умом, требовательный к себе и окружающим и, в первую очередь, к нему. За сорок лет преподавания помнил всех студентов по именам и фамилиям, не терпел лодырей и сразу предупреждал: «С вашей ленью с математикой отношения вряд ли сложатся, она дама цифровая, к себе неуважения не потерпит. Её можно покорить алгоритмом и числовым поклонением».

С Альбертом они во многом были схожи, и, прежде всего, внешне: высокие, на первый взгляд, странные и в то же время обычные люди, вроде угрюмые и неразговорчивые, на поверку – словоохотливые и доброжелательные, если собеседник интересный и внимательный. Иногда отец был раздражителен и придирчив к Альберту; казалось, что он ленится и не усердствует в учёбе. «Излишнее детство, – как выражался он, – играет в тебе, пора бы мужать». Мать старалась это обыграть и сгладить резкий тон отца, наедине возражала, уже более открыто и конкретно указывая на недопустимость давления на личность. Был уговор при сыне друг о друге плохого не говорить и никаких выяснений по вопросу воспитания. Отец был суров, что вытекало из его умозаключения: «Жизнь ещё суровее», и никогда не позволял никаких сантиментов и сюсюканий, даже в детстве не нашлось у него для сына ни ласки, ни нежности. «Это женское, – оправдывал он себя, – мужчина должен быть молчалив и сдержан».

При каждом случае отец говорил ему о том, что надо вырабатывать характер упорством и трудом. Когда учил Альберта ездить на велосипеде, высмеивал его боязнь: «Что за слёзы, что за сопли, мальчишка коленку разбил – какая беда. Смелее, настырнее, добивайся своего, не отступай. Смелость города берёт».

Он приучил сына работать на грядках, на огороде, что были в Академгородке в самостоятельной сельскохозяйственной зоне. Там Альберт вдруг заинтересовался насекомыми и этим удивительным миром природы. Не считаясь со временем, особенно в каникулы, подолгу рассматривал червей, что вылезли поверх земли после дождя. «Это рыхлители почвы», – поясняла мать.

При всём уважении к отцу Берти был более привязан к матери и потому в большей степени увлёкся биологией, что она преподавала в университете Новосибирска. Своим студентам с первого курса она говорила: «Я так люблю биологию, что сделаю всё, чтоб вы разделили со мной это чувство». Ей удавалось увлечь своим предметом. «Я хочу пробудить в ребятах понимание необходимости знать среду обитания». В университете она слыла своим человеком среди студентов, они запросто обращались и с вопросами по предмету, и за советом по ситуации в жизни. Парни спрашивали:

– Как по-вашему, эта девушка хорошая?

– Замечательная, – был всегда её ответ. В университете она не позволяла читать нотации, взывать к совести. Учить и поучать – большая разница. «Биология очаровательна, рассмотрите её поближе, и вы не сможете не полюбить её».

Ей было свойственно ироническое отношение к мужу и сыну. Она красиво смеялась, искренне и от души, каждой удачной шутке студентов. Своих мужичков любила подколоть:

– У меня дома две лампочки накаливания, два мужика с голыми черепами: один стриётся на лысого от старости, волос не осталось; молодой, глядя на отца, мол, ему волосы мешают думать.

Эта ирония, особенно в минуты житейских перипетий, помогала ей справиться с невзгодами.

Как замечал Альберт: «У нас две особенности и все со звуком «зи»: мама иронизирует над всем и вся, отец полемизирует со всеми подряд, и оба утверждают, что без этого просто жить скучно, неинтересно и пресно».

– Надо соли добавить, поперчить, – иронизировала мама. И при этом в ней проявлялось озорное, детское, что подчёркивало самую благоприятную атмосферу в семье.

– Ну, это кто как любит, – добавлял отец. – Я, напротив, для остроты хренку да чесночку. – Отец дорожил мерой доверия в семье. Свою любовь к жене и сыну он выражал заботой без слов: прачечная, ателье, полуфабрикаты – на нём.

После похорон мужа что-то надломилось в ней, с каким-то сознательным хрустом и сердечным сокрушением, и уже не могла она как прежде думать, жить и уж тем более иронизировать. Словно оглохла и ослепла, как будто после контузии, стояла на краю и думала: «Я не смогу». Всё кружилось в радужном хороводе, давление сжимало голову словно обручем. Гипертонический криз. Потом сердце сдало. Она лежала и смотрела на сына глазами безнадежности. «Мне не встать», – простонала она так тихо, что сын понял, прочитав по губам.

– А ради меня, – просил Альберт.

«Что я делаю, – спросила себя, – Я утащу его за собой». И тогда сознание стало возвращаться к ней, как после обморока. Было ли в ней чувство сильнее, чем любовь к сыну?! И вновь обозначился белый свет, небо, звуки, природа, люди, и вновь заботы и мысль, как прежде, о том, как приготовить что-то полезное, вкусное, сладенькое, фрукты, кефир. Купить витамины, погладить рубашки. Она пришла в своё естественное состояние забот, без которых себя не мыслила. Как ни странно, своё сознание обременять бытом она не боялась. Было у неё увлечение, и это не собирание рецептов, вырезание статей о здоровье, о продлении жизни. Свою активность мозга она неустанно бороздила новыми исследовательскими статьями по биологии. Эту науку она неслучайно выбрала для себя, и неслучайно унаследовал её сын. «Я буду жить ради него», – решила она, хотя пришла к этому заключению давно и сейчас более укрепились в нём.

* * *

Три дня они в Москве, поселили их в академической гостинице. Вечером, глядя из окна, они восхищались игрой света столицы, удивительная подсветка подчёркивала изящные линии самых заметных зданий Москвы. Столица прихорашивалась к Рождеству. Сколько ярких искромётных нарядов приготовили для неё. Глаз не оторвать, или можно сказать – глаза разбегаются.

Из Новосибирска ехали на подъёме, столица казалась местом притяжения усилия для достижения великой цели. Альберт рассматривал науку как форму существования, вне которой себя не мыслил. Наука – это идея, бесконечные расчёты, поиск, где одно подтверждает другое. В нём постоянно происходило брожение, процесс кристаллизации, выделение консистенции, идеи. Человек идеи и эксперимента. Возможно, гении простой до банальности, с внутренней неустроенностью и жаждой человеческого тепла. «Лариса», – шептали его губы в ночи.

Сколько усталости накопилось в Альберте за эти несколько дней в Москве. Его явно никто не ждал. Его мысли, идеи уже не раз испытывали на прочность, пытались разрушить.

Равнодушие и отчуждение он решил отнести к недоразумению. Альберт верил в свою звезду. Она светила ему даже во сне, освещая его путь к цели. В этих снах нет-нет да мелькнёт Куколка в образе Ромми. Он хватал её руки и грубо кричал в лицо дразнилку «Куколка», она в ответ лишь смеялась, и этот смех выводил его из себя, и тогда он ловил её губы, смыкая их в поцелуе.

Что за суматоха в академии, все словно по лимону проглотили, лица в лучших традициях французских комедий – вытянутые от удивления, досады и сожаления. Такое впечатление, что в этот муравейник кто-то ступил ногой. Только знать бы, к хорошему ли это. Он вспоминал, как переживал отец при всякого рода реорганизаций в науке, что, кроме разрушения, ничего хорошего не приносили.

– Не ко времени, парень, – сказали стоявшие на входе двое охранников, проверяя выписанный пропуск. – У нас здесь такое. Старых академиков за штат, может, теперь или в скором времени таких, как ты, выбирать будут. – При этом они, переглянувшись, понимающе улыбнулись. Альберт не заметил этого. Он считал всё негативное в мире издержками несовершенства человека.

– Да при чём здесь академики. Делёжка началась, – продолжили они. Тем самым давая понять, мол, хорошего не жди.

«Ну что могут знать охранники, – подумал Альберт о переменах, – что, может быть, пойдут на пользу, или опять: хотели как лучше, получилось как всегда».

На смену этому, как говорил Альберт, «пустому», вновь пришли размышления об исследовании генома, он зрительно представлял себя за привычной работой в лаборатории. Сейчас должно было проходить апробирование воздействия сред, температуры, влияния света и различных волн широкого диапазона и частот. Обработка результатов на компьютере по программе математических расчётов. Химические опыты перед физическими позади. Они показали, что мухи мутировали размером крыльев и изменением их форм. Альберт теоретически уже разработал замены генов мух, для этого он хотел применить гены другого насекомого – муравья.

Стрекоза тоже участвовала в этих экспериментах, ей предстояло опровергнуть свою исключительность. Альберт скептически воспринимал претензии некоторых индивидуумов на заоблачный пьедестал.

Геном исключительности мог быть только в больном существе при воздействии губительных сред, облучение самообманом, самомнением, самовнушением своей избранности, мнимом превосходстве. Предельная степень в этих чувствах граничила с безумием, отсутствием логики и претензией на гениальность, никак не меньше. Талант, одарённости не устраивали, бери выше, выше Капитолийского холма, Вавилонской башни и Александрийского столба. Только Космос, где, по их словам, обитают, воспаряют их гениальные мысли, идеи, и вообще, они внеземного происхождения. Они уже не новые менделеевы и пушкины, куда им до них, недостижимых. Встречая таких, Альберт поражался явному возвеличиванию посредственности, что пыталась нагло и цинично изменить свой серый цвет посредством лжи, обмана, подтасовок или явного воровства чужих идей и изобретений.

Составленная Альбертом генная программа была обусловлена поиском такого решения для человека, в котором была бы осмыслена его деятельность, непременно созидательная, благородная. Генная инженерия будет участвовать в процессе создания нового человека, которому предстоит осваивать другие миры галактик. Альберт представил себе этого человека, конечно же, не супермена, но способного приспособляться к иным средам, перепадам температур, что сможет адаптироваться на любой планете.

Золотые мозги

«Золотые мозги», что короной венчали здание Академии наук, были видны издалека, особенно если смотреть на город сверху, с самолёта, вертолёта или с обзорных точек: Лужников, Останкинской башни, сталинских высоток. Они витиеватыми сплетениями, на первый взгляд непонятными, выкрашенными жёлтой блестящей краской, вызывали чувство смятения, недоумения, а потом под звуки невидимых, только слышимых фанфар возносились в небо, парили и царствовали там. Они олицетворяли величие науки. Современный храм, поклонение самому высокому на Земле – человеческому разуму. Венец знаниям, гуманизму во благо Земли. Здание РАН на одном из холмов, крутом склоне берега Москвы-реки, было заметным знаком города, визуальной точкой притяжения, впечатляющей, загадочной.

Не раз здесь был Альберт, с самой заурадной внешностью, но необычным замечательным взглядом пытливых глаз, что сразу выдавали в нём человека интересного и умного, с которым непременно хотелось разговориться, в надежде узнать что-то такое, что поразит и удивит. Он плутал в бесчисленных коридорах и кабинетах. Лабиринты храма скрывали и хранили что-то важное, секретное. Встречались и те, что как зеницу ока оберегали своё высокое положение жреца, что давало всё, а главное – близость к власти. Они ни в коей мере не думали и делали только вид, что думают о научном прорыве, о благе страны и народа. Есть и те, кто скептически воспринимает прогресс и модернизацию с таким племсом, кто всё осмеивал и презирал, кто возносил Запад и лелеял в себе мечту пожить там. Здесь все держали в руках бумаги в файлах и без них, в папочках, портфелях. На них иероглифы, письма, решения, прошения и электронные носители в придачу.

Бывая здесь прежде, по случаю, будучи в командировках, Альберта не покидало чувство беспокойства оттого, что непременно потеряется и забредёт обязательно не туда, что было не раз. Подъезд этого монстра был похож на гигантскую пасть, заглатывающую каждого входящего, а потом, пережевав его, выплёвывающую. Огромные колонны и тяжёлые люстры, высоченные потолки, человек казался здесь маленьким, придавленным. Альберта тяготила эта помпезность, старался ничего не замечать. Он говорил матери: «Когда в первый раз приехал, голову задираю, восхищался имперским размахом, сейчас кажется даже смешным». Хайтек навыверт, определить стиль сооружения нелегко, как и дух, что витает в нём и кажется неблагоприятным.

Глядя на арматуру, насаженную сверху небоскрёба, Альберт называл её металлическим гнездом, в которое должно сесть, как на насест, что-то огромное, похожее на ракету или космический корабль, а может даже станцию, нечто необъяснимое, какое-то будущее. Космическое ложе для галактического разума.

Он не помнил, сколько раз здесь бывал. Каждый раз, направляясь сюда, говорил матери, что смотрела с грустной улыбкой на сына. Поседевшая и выцветшая, с печалью на лице, усталыми глазами, всегда внимавшая с явным любопытством, с придыханием, ловившая каждое его слово. Говорил ей, словно вопрошая весь мир с недоумением, недоверием и тревогой, что проскальзывали в голосе, упавшем и разочарованном.

– Неужели сегодня не получу билет на этом вокзале под названием «Академия наук». Похоже, мне не найдётся места.

Билеты в будущее достались кому-то другому. Здесь развелось много фальши, хорошее шельмуют, посредственность – в первых рядах. Впрочем, у меня своя программа, двигаюсь по своей линии. – Программа, заложенная в детстве в его сознании, была оптимистической.

В этом убеждала и мама. Тщательно она следила за его внешним видом, забота о питании и настрое были залогом несомненного успеха.

– Это временные трудности. Просто надо преодолеть их. А ты умеешь это делать, тебе уже многое удалось.

Она старалась вселить в него уверенность. В каждое слово вкладывала материнскую любовь. Получалось неубедительно, потому что сама от всего устала больше, чем сын, но сдаваться не в её правилах и уж тем более показывать сыну своё бессилие. «Буду держаться», – твердила себе.

Входя в здание уже по постоянному пропуску и узнаваемый охранниками, как-никак месяц каждодневных походов не за правдой и признанием, а за какой-то бумажкой, бюрократическим документом, что, собственно, ничего не значит и никому не нужен. Комиссии и комитеты, заседавшие и голосовавшие, мудрейшие из мудрейших, как на подбор – в брендовых костюмах, с подозрительными достижениями, повышающие сомнительный статус, не давали разрешения на предоставление ему лаборатории.

Как-то Альберт напомнил на одном профильном разбирательстве, что должен заниматься наукой и не тратить напрасно время, что у него есть направление новосибирского отделения на продолжение опытов в Москве.

– А вы у нас здесь не один такой, с аргументом науки, – одёрнули его. – Во всех коридорах гении стоят со своими открытиями.

«Опять хамство, – подумал Альберт. – Почему так?! Это, случайно, не дети Лысенко?» Тени злодеев бродили по Академии.

В прессе писали о том, что нужно реформировать РАН, и не случайно Госдума приняла закон. Президент подписал указ о создании агентства. Чувствовалась нервозность по поводу отделения имущественной части Академии. Многие высказывали сомнения о слиянии трёх академий. В воздухе витала революция. Альберт всегда чувствовал себя революционером, отец внушал ему, что непременно сделает революционные открытия, что позволят человеку стать бессмертным.

– Понимаешь, сын, в мой век было не до того, и дело не в идеологии. Двадцатый век лютовал над Россией, дело дошло до критической точки невозврата, население сократилось до предела. Не тебе рассказывать о числовом пределе. Это один бесконечный минус. Двадцатый век – одно вычитание, потому не безумие говорить о клонировании, о бессмертии, как бы смешно это ни звучало. Конечно, первоочередное – продление трудоспособности, нужны совершенно новые подходы в лечении. Для России были свойственны традиционно большие семьи. Сейчас у молодёжи на это взгляд иной. Планирование семьи у нас не продумано. На стадии вынашивания ребёнка – тщательное обследование для выявления патологий и лечение. Зачатие, осмысленное молодыми людьми, должно быть серьёзно и основательно.

Куколка говорила что-то подобное, она хотела детей, но всё что-то откладывали, не до того было.

Альберт постоянно носил с собой большую, объёмную записную книжку, где записывал свои мысли, расчёты, гипотезы – всё, что приходило в голову. Потом это обдумывалось. Обработывалось, подвергалось анализу, разрабатывались поэтапные опыты. Без опытов Альберт всё подвергал сомнению. Сейчас он испытывал в них большую потребность и время от времени думал вернуться в Новосибирск, чувствуя себя здесь опустошённым и вообще просто потерянным. «Неужели я не пробью эту стену? Куколка в СМС-сообщениях просила не падать духом, крепиться. Сама же наверняка каждый вечер плачет», – думал Альберт.

В конце концов Альберт был откомандирован в институт генетики к академику Оргиеву и по совместительству вице-президенту РАН.

Оргиев

Когда его впервые увидел Оргиев, директор института генетики, то подумал: «Ну и образина...» Заметная сутулость, что бросалась в глаза, когда он был в движении; стоило ему заметить, остановиться, то одежда, удачно подобранная, делала его обычным человеком, скрадывала все недостатки тела. Лицо, напротив, казалось без изъянов, приятное, молодое. Только взгляд странный, блуждающий и совершенно отстранённый. Когда он заговорил, Оргиев отметил про себя тёмные, пытливые глаза и очень приятный, неповторимый тембр голоса, низкий, вкрадчивый, и чистейшая речь. «Видимо, профессиональное, читает лекции в университете», – подумал Оргиев.

Держался он свободно, уверенно, это вызывало к нему уважение. Налысо бритый, чёрные сросшиеся брови на переносице, дерзкий клином подбородок – всё говорило о непростом характере. При взгляде на него возникала мысль, что, скорее всего, это человек пробивной, упрямец. И сразу хотелось понять, в чём это упрямство и чего он хочет добиться и доказать. То, что у него своя правда, становилось ясно, когда он говорил о науке и её назначении и своей работе.

«Как это я сподобился таких откровений, видимо, он позволяет это крайне редко, наверно, в особые минуты какого-то необыкновенного подъёма и расположения к собеседнику, – думал Оргиев. – Значит, я действую верно, выдавая себя за друга. С ним будет нелегко», – размышлял академик.

Затмение рассудка СМС-переписка между Ларисой и Альбертом

Я подарю тебе любовь

Лариса-Роми

В тот день меня душило отчаяние. Думала выпить или принять антидепрессанты. Включила телевизор, потом надела наушники, хотела послушать музыку, ничего не снимало напряг. Ты отравил мой мозг запахом своего тела, я любила слизывать пот с твоего лица, когда ты в изнеможении доводил меня до экстаза. Кто теперь будет ласкать меня, кусать за ухо и шептать что-то так тихо, что я переспрашивала иногда. А чаще ты своим голосом вводил меня в транс. Я ничего не понимала, всё сливалось в радужных красках, какой-то дивной музыке, что ты сочинял для меня. Скажи, что мне ещё нужно. Я была на небесах и вот спустилась в крошечное одиночество. Берти, разлука невыносима, она убивает меня. Чем отвлечься и чем занять себя. Решила выйти на улицу. Иду и думаю: зайду в супермаркет и что-нибудь украду, чтоб на меня кричали, стыдили. А я спрошу, когда им надоест орать.

Любовь – великий дар, хранила его, берегла, и ничего не помогло, всё равно лишилась. Я оплачу этот шоколадный батончик и в придачу каждому подарю такой. Потом пойду, не оборачиваясь, не знаю куда, пока не почувствую, что замерзаю. Остановлю кого-нибудь и попрошусь в гости согреться. Остановилась на кинотеатре, пошла на фильм, что видела не раз. «Пуаро» Агаты Кристи. Какие манеры и весь антураж в стиле ар-деко. Но в этот раз я просто глотала слёзы в тёмном зале, старалась не всхлипывать. Чувства ослепляют, кажется, любовь непобедима, и вдруг, Берти, почему вдруг, ты говорил, что в тебе программа, как ты только не захлебнулся от восторга, расписывая колонизацию Луны и Марса. Я хотела реальности, ты жил воображением. Идея. Что будоражило тебя, казалось мне непонятным. Я не в теме и должна признаться, что профан. Я женщина и состою из чувств. Ты что-нибудь знаешь про эмоциональную интимность? Один твой взгляд возбуждал меня, как твой голос, что в памяти моей как звуковой символизм точки допустимого соблазна. Ты словно нейроинтерфейс, что будоражит сейчас человечество в каждой извилине моего мозга. А тебя что сейчас занимает?

Альберт

Здесь другое, не скажу, что это хождение по мукам вначале вообще казалось забавным, как вежливо и тактично отказывают под предлогом, что не вовремя приехал – рождественские каникулы. Академики поехали погреться под нездешним солнцем, потом занятостью председателей комитетов, скопилось много нерешённых вопросов за новогодний отпуск, кто-то заболел, простыл, катаясь на горных лыжах, после праздничного застолья всё ещё не отойдёт. Когда же комитет не смог собрать кворум в очередной раз по причине того, кто-то выдал замуж дочь, а у другого родился внук, я заметил, не затянулась ли моя командировка за счёт государства или здесь такая мелочь не в счёт. На предварительных консультациях референты делали замечания по тексту, просили упростить вступление. Достаточно комментариев новосибирских рецензентов. Бумаги поступили в профильный комитет, главным образом – результаты практической части, опыты и вычисления. Председатель сделал резюме, рекомендовал

работу на самый верх, заключив: «Возможно открытие с перспективой применения в планах освоения космоса». Собственно, ничего нового, ровно то же было в бумаге, составленной в новосибирском отделении. Логичное заключение – предоставление лаборатории со штатом сотрудников в институте генетики. Но бессмысленный марафон продолжался, возня с выборами, затем отмена на год, президента РАН деморализовала академиков. Официально было заявлено, институт в течение двух недель определится по поводу моей работы, и в ближайшие дни меня примет академик Оргиев.

Всё это время преследовало желание прийти на то место в Москве, где высказывают недовольство происходящим в России, о произволе, несправедливости в судах, на работе, вроде импровизированной трибуны, как в Гай-парке Лондона. Сказали, глашатаи народного гнева собираются в парке Горького в Нескучном саду, совсем рядом с Академией. Пошёл, в очередной раз окинув разочарованным взглядом кубически-геометрическое строение, где даже фонари с намёком на научные изыскания в урбанистическом стиле. Странная округлость, созданная из треугольников и квадратов, означавшая: невероятное возможно, подчёркивали главную космическую идею в будущем. И только стеклянная пирамида, напоминающая подобную у входа в Лувр в Париже, нежели египетскую, говорила, что Космос всегда был частью человеческой цивилизации. Люди – пришельцы с других планет, колонисты Земли.

Искателей правды не нашёл, побродил по парку с надеждой встретить тебя, Куколка. Право, смешно и наивно, скорее я встретил бы инопланетянку. Девочка моя, во что я ввязался, надо было просто пересесть в Шереметьево на другой самолёт и лететь к друзьям в Голландию, там бы обустроился и вызволил бы тебя. Мама своими грустными глазами остановила меня.

Лариса

Обрыдаться под дурацкую песню «Никому тебя я не отдам». Не верю, что мы расстались. Все ночи нашего безумия со мной. Судьба, храни тебя. Любовь в глубине меня тебя ждала. С тобой была женщиной, свободной, безрассудной, безотчётной, потому что затмение рассудка. Ты был тем, что не вмещалось в моё сознание, с твоей непонятной полуулыбкой. Ты был проводником в мир моих желаний, что таила, боялась в них признаться себе. Ты избавил от заблуждений, раскрепостил.

Берти, как там, в Москве, не скучно в канун Рождества толкаться просителем? Люди за столом шумно, весело встречают Новый год, а ты маешься и путаешь вход с выходом, теряешься среди своры бюрократов, которым всё по фигу, а уж тем более ты.

Если будет время, пролистай фотографии, иллюстрации к новогоднему балу у губернатора. Решила последовать твоему совету и была в образе Любовь Орловой. Предыдущие наряды критиковал, тебе не нравились ни Шанель, ни Мерлин. Наши отношения начались с Роми Шнайдер. Трагическая судьба, как и наша любовь. Как ты думаешь, это случайность? Что тебе нравилось в Роми и что ты нашёл во мне, кроме внешнего сходства, отчасти достигнутого благодаря наряду – платью из фильма. Ещё молодость, нам было по двадцать пять. Хотелось безумия, в голове звенело от выпитого, куда-то бежали. Было темно, и только огни вспыхивали в сознании, обжигали отголоском мысли, что это? Любовь или будоражащая кровь молодость? Жажда чувств накрывала с головой, грохот волны рока, где гитара душила струной до хрипоты, барабан разрывался где-то в желудке. Желание сводило с ума, мы бросались друг на друга. Казалось, что мы то на американских горках, то на каруселях, то в каком-то ещё аттракционе, название ещё не придумали. Образ Роми Шнайдер, известной актрисы, её любовь с Аленом Делоном – ты не знал об этом, но полюбил. Трудно было разобраться: меня или её, чья жизнь более драматичной, всех драм в кино, где она играла. Мистическое совпадение жизненной трагедии и драмы экранных образов. Тебя это не интересовало, как и то, была ли я копией богини стиля или её душа воплотилась во мне. Ты посмеялся, когда высказала это предполо-

жение. Ты хохотал как сумасшедший, и тогда подумала: ты гений, ещё не зная о тебе ничего. Только искренние и талантливые люди могут так открыто смеяться: до слёз, до колик в животе, до спазма в горле. Я ждала тебя, все ночи и бесцветные дни, когда душили слёзы от обиды, что брожу по белому свету одна. В тебе увидела своё одиночество, и твоя боль, что бравадно и нарочито прятал, скрывал под маской беззаботности, отозвалась во мне. Я пыталась объяснить, что образ позаимствовала, но ты даже не подозревал о Роми Шнайдер.

«А что в ней такого? Ты одета обычно, на тебе нет и следа от грима. Её взгляд, глаза как идентифицировать». Я показала тебе фотографию Роми в телефоне, ты удивился.

«Разве это не ты?» Приглядевшись, правда, заметил что-то неуловимое, то ли возраст или состояние души другое. А так очень похоже.

На мне был наряд Роми времен её съёмки в Париже в фильме «Бассейн» с Ален Делонем. Звездой же она стала в Германии и Австрии, снявшись в целой серии картин про Сисси, австрийскую принцессу. Ты помнишь, Берти, меня в самых обычных брюках и блузоне, поэтому во мне не видели Роми, да и немногие о ней знают. Лицо хорошее, вернее хорошенькое, глаза добрые, располагают к доверию, таких очень много. Худенькая, миниатюрная, ещё добавляют – точёная фигурка. Часто улыбается, улыбочивая, смешливая. Похожа на подростка, с короткой стрижкой. Что-то в ней мальчишеское, ну вроде пацана или пацанки, если бы не одно но: когда была влюблена, в ней проявлялась женщина, слабая, беззащитная, нежная, проявлялась невесомость, сродни наслаждения, им упивалась. Безрассудство или лёгкое помешательство. Любовь как болезнь? Ну нет. Как безмерная радость, праздник каждый день. Знаешь, Берти, пишу тебе в Инстаграмм пост о Роми, но, поверишь, это обо мне. Я такая же, есть внешнее сходство и внутреннее, чувствую с ней близость. Не сомневаясь в моей искренности, не верил, что тебя может полюбить такая девушка. Я увидела мужчину в твоём грубоватом лице, не очень складной фигуре. Почему-то сердце вещало: ты тот, кто больше других нуждается во мне, и я решила, подарю ему любовь, от радости захотелось броситься к тебе, обнять и целовать, но не решалась, боясь, что примут за сумасбродку. Как художник по костюму, представляла свою любовь как продолжение необыкновенного платья, чудесной ткани, струящейся невесомыми ажурными складками. Прозрачное, в цветах, и дополнить ароматом изысканных духов, шлейфом следующих за мной. В этом наряде не блистать, любить, только объятия и поцелуи. Моё тело – продолжение образа, подчёркнутое одеждой. Почувствую себя леди утончённой и недоступной. Кажется, мои мысли так же тщательно уложены в сознании, как прекрасная причёска. Мой образ обязывает лишь улыбаться аристократической полуулыбкой. На руках атласные белые перчатки из французских романов 17-го века. Неужели я так состарилась, или романтический эпизод из жизни придворных всем женщинам хочется пережить хотя бы во сне. Ну что вы, право, господа, в 21-м веке, вновь самые дорогие и престижные балы: римский, венский, петербургский – вновь предел мечтаний романтических натур. Там принято быть одетым соответственно эпохе Наполеона. Роскошь во всём, хотя бы видимая и только на время бала. Костюм можно взять напрокат, как и кавалера во фраке. А потом ты, как Золушка, вновь вернёшься в реальный мир, где будешь утешаться грёзами, читая романы о любви или смотря фильмы на эту тему. Берти, в тот вечер ты был так убедителен, реален, когда мы встретились взглядами, мы ясно увидели, что нашли друг друга. Когда ты положил мне руку на плечо, я чуть не расплакалась. Я поймала твой взгляд и кивок головой, приглашающий к танцу. Мы пошли навстречу друг другу. Звучало танго, мой любимый танец. Ты не умел танцевать и не имел представления о танго, чувственная музыка заставляла сближаться, сливаться в объятиях. Танго любви, каждое движение, сердцебиение, испуг что-то потерять, узнать неизведанное. Всё кружилось в моей голове вместе с огнями зала, увлекая в многообещающие приключения.

Ты знаешь, Берти, если бы встретила тебя на улице, не постеснялась бы подойти, я не страдаю стеснительностью, возраст не тот, переросла это чувство, что бы я сказала тебе, что-

то спросила: время или как пройти. Попыталась бы как-то дать понять, что заинтересована, а может, загипнотизировать.

Берти, танго – самый близкий танец, в нём, как ни в каком другом, чувствуешь партнёра и, главное, взгляд и глаза, двое стремительно сближаются. Ещё запах, что неожиданно выдаёт человека: приятный, отталкивающий, влекущий или оставляющий равнодушным, принимаешь его или нет. Запах дыхания, тела, мужской силы, резковатый, грубоватый, но такой притягательный, завораживающий страстью, будоражащий воображение. В этом танце самыми яркими были ритмы плоти. Каждый из нас чувствовал желание, непреодолимое и захватывающее сознание. На тебе был неплохо скроенный костюм из импортной ткани, такие шьют в Академгородке, там было лучшее ателье, хороший мастер, знала его лично. Но было заметно, что ты не так щепетил в одежде, и в отношении к ней проскальзывало пренебрежение, ты словно бы её не замечал тогда, в декабре. И тем не менее ты был элегантен, высокий, в пальто, тёмный драп, не ошибусь, тоже импортный, хорошо на тебе сидел.

Что за женщина следит за тобой? Потом выяснилось, что мама. В то Рождество первой нашей встречи, знакомства, я простыла, заболела. Вначале бронхит, потом воспаление лёгких. Ты пришёл ко мне в больницу, притом что очень занят, писал какую-то научную работу. Узнала об этом, когда стал навещать меня дома, долго была на больничном. Родители тебя приняли, не подозревая, что схватила простуду, когда как сумасшедшие после выпитого мотались по ночному Новосибирску. Помнишь салют, так ярко, разноцветно освещал небо, мне казалось – нашу встречу, нашу любовь. Оказалось, мой отец знаком с твоим, сошлись на каком-то педагогическом семинаре. Только разница была в том, что один технарь, а другой гуманитарий. Мой папулька преподавал литературу, а мамулька что-то строчила всю жизнь в жалкой местной газетёнке – «Новосибирской правде». В общем, никаких амбиций, поэтому никогда не была лидером, любила куклы, шила им платья, стала швеей, хотя числюсь художником по костюму в Новосибирском театре оперы и балета, а вернее – лагаю дырки раритетов, шедевры изрядно износились, подновляю их. Правда, в одном проекте мне доверили участвовать, главный художник дал возможность проявиться в спектакле «Драгоценности». Получилось неплохо, не случайно пригласила тебя в первую очередь на него. За семь лет первая самостоятельная работа, мне не обидно, лечу в театр. Всё в нём кажется сказочным, хотя за кулисами и в пошивочном цехе такая проза, но сами люди, сама атмосфера мне по душе, семейная, спокойная, несмотря на мелкие дрызги и человеческие слабости. У тебя-то на работе в основном крысы, ты говорил, ручные. Они так привыкли к твоим рукам, что через прозрачный пластик, что отгораживал их от внешнего мира, чувствовали тебя на расстоянии. Ночью, когда ты работал с ними, когда лаборатория чаще всего была свободна, ты разговаривал с ними, придумав каждой своё имя. Кофе уже не помогал, казалось, что он действует не бодряще, а как снотворное. Глаза закрывались, на несколько минут ложился на стулья на заранее припасённое одеяло и подушку.

Сколько бессонных ночей провела одна, пока ты был то с мухами, то с крысами. Берти, я так хочу спеть для тебя что-то такое, чтобы смог почувствовать, как моё сердце бьётся в тревоге за тебя. Почему мне жалко тебя? Никогда не говорила тебе об этом, знаю, что можешь принять за оскорбление. Жалости в отношении себя не мог допустить даже в мыслях. Ты пребывал во мнении, что ты стоик. Мой стойкий оловянный солдатик. Сказочный персонаж, нравился с детства, когда читала сказки Андерсена. Восхищалась его выдержкой, выправкой и преданностью своей возлюбленной маленькой балерине. Мне кажется, ты не читал сказок в детстве, сразу стал изучать биологию и химию. В общем, сразу родился с семью пядями во лбу, вундеркинд. Может, так тебя звала мама. Одна душа на двоих, как в романах. Берти, ты можешь в это поверить, или я выдумала и выдаю за правду. Берти, ты звал меня своей Куколкой, как Делон свою Роми.

«У тебя кукольное личико, такие мелкие черты лица, в отличие от меня. Когда-то я сказал маме, что с такой внешностью, как у меня, можно быть только фриком, потому не очень-то был расположен к общению, особенно с девушкой.

– А что, мама, фриком интересно, – настаивал, – только ещё не подобрал персонаж, а может и не надо, я и есть самый образ.

Мама уверяла меня, что комплекую. Если бы это было так, отвечал я, то не стал бы над собой подшучивать».

Вспоминаю рассказ твой мамы, как ты, увидев своего деда на старых фотографиях, известного Санкт-Петербургского математика, с окладистой бородой и бакенбардами, решил обзавестись такими же. Сейчас, кстати, борода в моде. Дед замаскировал таким образом все дефекты и изъяны. У тебя тоже получится сделать овал лица более правильным. Мне нравилась в твоих родителях способность всё обратить в шутку, но не скатываться до сарказма или злой иронии. Они как-то умели вовремя остановиться, не подчёркивая чьи-то недостатки. Как говорила твоя мама, заметив чужую зависть: «Как я себе завидую». Среди друзей и знакомых встречались те, что хотели бы так же обставить квартиру. Повесить замечательные картины. «Это не главное, – замечала она, – здесь часть любимого города». Не забыл, те две недели, что мы провели на канале Грибоедова, тогда была жива твоя бабушка? Сколько она всего знала о Санкт-Петербурге и могла бесконечно рассказывать о его истории. Помнишь, я решила стать лысой, как ты? Утром встала раньше всех, бабушка попросила сходить в булочную. Зашла в парикмахерскую, и лысостью решила проявить свои чувства. Я уже не казалась куколкой. Ты смеялся. На Дворцовой площади делали селфи. Мои и твои родители, увидев их в телефоне, тоже почему-то не огорчились. Нам было легко вместе, но твоей первой женщиной была наука, и ты оставался ей верен даже в Питере, среди шедевров Эрмитажа. В твоей голове тысячами шестерёнок крутились мысли об опытах, ты скучал о мышах, мухах и говорил о том, что уже созрело много новых мыслей. Удивительно, когда шли по каналу к заливу, нас встречало несчётное количество чаек, казалось, что продолжаем шагать по воде и будем идти до горизонта, а потом оторвёмся от водной глади и, словно две ракеты, рванём куда-нибудь. А куда, решишь ты. В тебе было неоспоримое лидерство, что чётко проявлялось не только во взгляде, но и в чём-то неуловимом, что исходило изнутри сознания своей правоты, что твёрже камня.

Если собрать время, что были вместе, его будет обидно мало. Небольшой клубок тонкой мохеровой шерсти, что тогда была в большом дефиците. Минуты нашей близости, те мгновения твоих нежных слов, из них сплела лёгкий пуховый платок, что согревает меня, когда вдруг одиночество душит отчаянием. Простой рисунок твоего дыхания и слова, шёпот на ухо, ты касался языком, губами моего лица. Искал в темноте, а я молчала и думала, как коротко время. Однажды осталась с тобой в лаборатории на ночь, измучилась, пытаюсь заснуть на стульях. В будущем решила исключить это, болело всё тело, отлежала руки, ноги. Удивлялась, что тебе всё нипочём, меня не замечал, крысы пищали, видимо, тоже хотели спать. Чтобы связать большой роскошный платок, в который можно было обернуться, нужно больше времени нашей любви или глубже прочувствовать то, что было, или иметь способность воспроизвести, воссоздать в памяти всё, что так дорого нам обоим. Если бы было продолжение наших отношений (как хочется верить, что так и будет), я непременно соберу все наши ощущения близости во что-то впечатляющее, но во что, ещё не придумала. Ты поможешь мне в этом, твоя Куколка изнемогает от желаний. Когда мы встретимся вновь и где это будет? Я сколько раз выражала сомнение, зачем куда-то ехать, неужели в Академгородке исчерпаны все ресурсы? Думаю, что открытие можно было сделать и здесь. Берти, как ты мог оставить меня? Я ревную тебя к науке. Мне так и не удалось открыть тебя, проникнуть в твоё сознание, отвоевать там хоть маленькое, крохотное место, еле заметное, хотя бы зацепиться, но ты всегда был в лаборатории, всегда что-то писал в записной книжке, не думая, как нещадно напрягаешь свой мозг. «Золотые мозги» – много раз слышала это выражение, да так и не поняла смысла, а когда просила объяснить,

осыпал меня безудержным смехом, говоря, что это такая глупость, что вроде анекдота. Потом это выражение вызывало у тебя истерический приступ смеха. Ты умеешь смеяться, шутить, весёлый человек. Подкупало то, что запросто иронизировал над собой. Смело мог рассказать о себе, на первый взгляд, нелепицу, вроде того, что перепутал крыс, их имена, одну звали Звезда, а другую Ночь, и что они понимали, как их зовут и на чужое имя не откликались. Наверное, крысы любили твои руки, удивительно изящные, тонкие пальцы, как и я. Божественные руки, волшебные, чудесные.

Берти, мы встретимся, иначе зачем жить? Ты же знаешь, без тебя нет смысла. Где будет встреча после разлуки, в Нью-Йорке или в каком-то другом городе Штатов? Я боюсь, береги себя, у меня странно ноет сердце. Хочу всегда встречать Новый год с тобой. Может, там, в Америке, тоже есть рождественские балы у губернатора, надену твой любимый простенький наряд Роми, и ты вновь будешь звать меня Куколкой. Берти, почему ты не хотел регистрировать брак со мной? Ты сказал, что сейчас не важно, кому делается вызов, что в Штатах сейчас другой порядок получения виз. И всё же мне хотелось стать или быть твоей женой. Прости, может быть, это глупость. У моих подруг не получилось счастье, их всего-то две. Ты знаешь их, мы бывали как-то и у Гали, и у Саши. У обеих родились больные дети: у первой мальчик с ДЦП, у другой девочка с дистрофией почек. Мужья ушли, странно, куда девалась любовь, бросили больных детей, платят алименты и только. Какой бы родился у меня ребёнок, не знаю, может быть и здоровый, а потом вдруг стал бы наркоманом или голубым, что сплошь и рядом. Не прими это за бред, пишу, что в голове: сумбур да чехарда от одиночества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.